

СЕРАЯ НЕВЕСТА
ДРАКОНЬЕГО ЛОРДА.
ДОГОВОР БЕЗ ИМЕНИ

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВ

Александр Витальев

**Серая невеста драконьего
лорда. Договор без имени**

«Автор»

2026

Витальев А.

Серая невеста драконьего лорда. Договор без имени /
А. Витальев — «Автор», 2026

Меня вычеркнули из рода публично, без предупреждения и без права голоса, а теперь вернули в дом бывшего мужа не как жену — как «серую невесту»: женщину без имени, чье молчание должно спасти его репутацию. Я согласилась, потому что сделка дает защиту моей младшей сестре, и теперь каждое утро я веду хозяйство его замка, варю ему лечебные отвары и сплю за тонкой стеной его спальни, а он обращается ко мне «серая» и делает вид, что три года брака были ошибкой. Договор молчит, пока молчу я, но стоит мне открыть рот о прошлом — магия бьет болью по обоим, и расторгнуть эту клятву можно только полным признанием, кто из нас предал первым. Вопрос прост: если я назову правду — он потеряет имя, а я потеряю сестру, и я еще не решила, чего боюсь сильнее.

Содержание

Глава 1. Разговор после совета	5
Глава 2. Ключ от кухни	13
Глава 3. Письмо из архива	22
Глава 4. Печать на ладони	29
Глава 5. Сломанная дверь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Витальев

Серая невеста драконьего лорда. Договор без имени

Глава 1. Разговор после совета

Письмо лежало на столе так, словно его положили мне под ребра. Я развернула его сразу, как только Нина вышла, потому что ждать у двери она не умела и заглядывала каждые полминуты, а мне нужно было увидеть буквы без чужих глаз. Плотная бумага, печать с гербом Сейд — драконья чешуя по кругу, внутри вензель, который я когда-то вышивала сама. Теперь этим вензелем скрепляли мою высылку.

Я перечитала первый абзац дважды. «По решению совета рода и матери-старейшины Аэлис брак между Тарвеном Сейд и Ирмой, урожденной Вес, расторгается. Имя вычеркивается из домового книги. Имущество и приданое возврату не подлежат. Опекун над младшей кровью Вес остается на усмотрение совета». Под текстом стояла подпись Тарвена — ровная, как клинок, без нажима, будто он расписывался за хлеб у пекаря. Под подписью чернилами было вписано имя «Ровена» тонким женским почерком, и рядом приписка: «будущая хозяйка замка».

Серый ободок на запястье сжался ровно на пол-оборота. Пока не больно. Просто напоминание, что меня уже нет.

За дверью раздались шаги. Я успела положить письмо под салфетку и закрыть его ладонью. В кабинет вошел Олтон Грей. Управляющий двигался так, будто считал каждый шаг. Он поклонился ровно на ту глубину, которая положена вычеркнутой жене лорда, то есть почти никакой.

— Госпожа, — он запнулся и поправился без улыбки. — Серая. Лорд просил передать, что ужин подадут в малой зале. За одним столом с леди Ровеной. Распоряжение совета.

Я кивнула. Кивок не считался словом. Ободок чуть потеплел — молчание мне разрешалось.

— Совет также постановил, что отныне вы будете занимать комнату в восточном крыле. Ключ у ключницы. Ваши вещи уже перенесены.

Я знала, какие у меня вещи. Платье, в котором меня вычеркнули. Гребень с тремя выпавшими зубцами. Лента Лены, которую она сунула мне в руку, когда меня выводили из покоев. Я не стала спрашивать, почему перенесли без меня. Ответ был в письме: у хозяйки скоро будет новая рука для гребня.

— Лорд будет ждать к седьмому звону, — добавил Олтон и положил на край стола медный ключ без бирки.

Ключ от комнаты, в которой меня теперь не звали по имени. Я взяла его, повернула в пальцах, чтобы не смотреть управляющему в переносицу. Холодный металл лег в ладонь.

— Еще одно. Лин Кейт, королевский инспектор, прибудет через три дня. Совет хочет, чтобы к тому времени недоразумение с вашим статусом было улажено.

Он ушел, не дожидаясь ответа. Я осталась одна с письмом, которое пахло чужими духами, и ключом, который пахнул холодной медью.

Я снова развернула бумагу и провела пальцем по подписи Тарвена. Чернила не смазались. Значит, не дрогнула рука. Я сложила письмо вчетверо и спрятала под подкладку сумки, где лежала лента Лены. Пусть рядом с живым будет мертвое.

В коридоре слышались голоса. Женский смех — легкий, хозяйский — и тяжелый ответ Тарвена. Ровена вошла в замок не как гостя, а как человек, который уже выбирает, какие занавески повесить. Я прижала сумку к груди и пошла к двери.

На пороге я столкнулась с Мирой Кесс. Ключница смотрела на меня так, как смотрят на ожог, который уже заживает, но все еще тянет. Она протянула мне второй ключ — от лечебной кладовой.

— Я сказала совету, что без травницы замок сядет на кашель к зиме, — тихо сказала она. — Это не благодарность. Это работа.

Я взяла ключ и впервые за день почувствовала под пальцами что-то настоящее. Медь, которая откроет мне дверь туда, где я умею делать дело. Я кивнула и пошла по коридору мимо смеха Ровены и молчания Тарвена, потому что ужин подождет, а кладовая — нет.

Лечебная кладовая пахла так, будто здесь никто не болел. Старые пучки мяты, сухая кора ивы, банки с прошлогодним зверобоем стояли ровно, будто я уходила отсюда вчера, а не три месяца назад. Я провела пальцем по полке и стерла пыль. Под ней лежала моя метка — ногтем, мелкая царапина в форме полумесяца. Я оставляла такие на всех своих полках, чтобы знать, чьи руки тут трогали.

Ключ лег в замок с тихим щелчком. Я вошла и закрыла за собой, чтобы смех из коридора остался там, за деревом и камнем.

Первой я нашла корзину с бинтами. Те самые, лавандовые, от которых пахнет зимой и дымом. Кто-то перенес корзину сюда вместе с моей памяткой о пропорциях для отвара от кашля, но забыл снять с крючка записку о Тарвене. Я вытащила листок, развернула. Тарвен Сейд. Драконья кровь. Ожоги от оборота лечить через два часа, не позже, иначе кожа сходит пластом. Подпись: Ирма Вес, травница. Я сложила листок и спрятала под подкладку сумки, где уже лежало письмо о разводе.

Дверь скрипнула. В проеме стояла Нина. Она всегда входила так, будто вырастала из половиц.

— Вам тут письмо принесли. От леди Ровены. Через служанку, не сама.

Я протянула руку. Конверт был тонкий, дорогой, с лентой, которая ничего не скрепляла, а только делала вид. Внутри одна строчка: «Серая, прошу не появляться в большой зале до ужина. Это не просьба, это порядок».

Я скомкала записку и бросила в печь, где еще тлели угли. Бумага вспыхнула и сгорела за секунду.

— Нина, у нас в замке кто-нибудь кашляет?

— Брин. Мальчишка с кухни. Третий день, уже с кровью.

Брин. Тот самый, что таскал мне горячие лепешки из печи и норовил сунуть в карман украденный кусок сахара. Я знала его кашель, знала, какой у него свист на выдохе.

— Собери мне сухой чабрец, мать-и-мачеху, медную ступку, чистую глиняную кружку. Кипяток возьми на кухне сама. И не говори никому, куда пошло.

Нина убежала. Я вытащила чабрец, понюхала. Не мой, прошлогодний, но крепкий. Насыпала в ступку, растерла, добавила мать-и-мачеху. Руки помнили движение, даже если голова еще спорила с новым миром, в котором мне полагалось быть серой тенью у чужого стола.

Дверь снова скрипнула. Я не обернулась, потому что по запаху кожи и холодного железа узнала Тарвена раньше, чем он шагнул через порог. На скуле темнел свежий ожог — узкая полоса, будто кто-то провел раскаленным прутком.

— Ты не в зале, — сказал он.

— Я сортирую травы.

— Леди Ровена ждет тебя к ужину.

— Ужин через час.

— Она не любит ждать.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня так, как смотрят на чужую посуду, которую поставили не на ту полку.

— Она пишет мне записки с приказом не показываться в зале. А теперь требует, чтобы я появилась. Это не приказ, Тарвен. Это каприз. Ты учил меня отличать одно от другого.

Он шагнул внутрь, и кладовая сразу стала меньше. Я чувствовала запах дорогого мыла и его кожи, которая после драконьего оборота всегда пахла железом. Через два часа на его скуле начнется воспаление.

— Дай мне, — сказала я и кивнула на его лицо.

— Что?

— Мазь. У тебя через два часа кожа лопнет. Сядь.

Он не сел. Я достала банку с гусиным жиром и заранее растертой календулой, нанесла мазь на чистую тряпицу и подошла к нему. Ободок на моем запястье сжался, потому что я сделала шаг ближе, чем положено серой невесте. Но мазь была лекарством, лекарство входило в условия договора, и ободок отпустил.

Я провела тряпицей по его скуле. Он не отстранился.

— Ты не ужинала сегодня, — сказал он тихо.

— Я работаю.

— Это не работа. Это наказание.

— Для кого?

Он смотрел на мои пальцы. У меня на безымянном когда-то было его кольцо. Теперь там была только тонкая белая полоса, как шрам от слишком тугой перчатки.

— Я уйду к жене, — сказал он.

Ободок на моем запястье вспыхнул серым. Боль прошла по руке до локтя, и я зашипела. Он отшатнулся.

— Не смей, — выдохнула я. — Не смей называть ее при мне. Договор касается прошлого. Это не прошлое. Ты сам нарушил.

Он побледнел. На его запястье, под рукавом, проступила серая полоса — отражение моей боли, зеркало договора. Он схватился за руку, сжал, и я впервые за долгое время увидела на его лице не гнев, а страх.

— Иди, — сказала я и отступила. — К Ровене. К той, которую ты выбрал. А у меня мальчишка кашляет кровью, и твоя мать забыла, что в этом замке есть люди, которых она должна лечить.

Он ушел. Я выждала, пока стихнут его шаги, и вытерла тыльную сторону ладони, на которой осталась капля его крови из лопнувшей кожи. Впустила Нину с кружкой кипятка.

— Закрой. И никому.

Она закрыла. Я заварила отвар для Брина, поднесла кружку к губам и почувствовала, как ободок медленно теплеет. Работа меня кормила, договор меня держал, боль меня будила.

Я вымыла руки до локтя дважды, с мылом, пахнущим дегтем и полынью. Кровь Тарвена сходилась медленно, тонкой рыжей ниткой. Кружка с отваром для Брина остывала на столе. Рядом лежала чистая тряпица, которую я не успела использовать.

Дверь скрипнула. В проеме стояла Мира Кесс, ключница, моя первая наставница в этом доме. Она была в темном платье, без передника, с ключами на поясе, и держала их так, будто они жгли ей бедро.

— Госпожа, — начала она и осеклась. — Ирма. Прости. Я забываю.

— Уже привыкла. Что принесла?

Она оглядела кладовую: банки с травами, печь, ступку, чистые банки из-под мазей.

— Олтон Грей велел передать. Завтра Лин Кейт начнет проверку с кладовой. Она смотрит, откуда идут лечебные поставки, кому уходят отвары, кто подписывает рецепты.

Я вытерла руки о чистую тряпку. Олтон Грей, управляющий, ставленник совета, который должен бы сдать меня первым, а вместо этого шлет предупреждение через ключницу.

— Что именно она хочет видеть?

— Книгу учета. У нас ее нет. Ровена вынесла рецепты из замка, когда перебирала бумаги мужа.

— Бывшего мужа, — поправила я.

Мира вздрогнула.

— Ирма, у тебя есть выбор. Ты можешь сказать, что варила отвары по личной инициативе, и Олтон подтвердит. Тогда Лин Кейт запишет тебя как лекаря-приживалку, и вопрос закроется. Или ты можешь сказать правду: что ты серая невеста, и тогда она потребует печать на договоре.

Я поняла. Если я скажу правду, Лин Кейт увидит оловянную печать на дверной ручке спальни. Если увидит печать, она увидит договор. Если увидит договор, она спросит, на каком основании бывшую жену вернули без имени. И тогда на стол ляжет не рецепт от кашля, а домовая книга рода Сейд, где мое имя вычеркнуто, а рядом подпись Тарвена и матери-старейшины Аэлис.

— Спасибо, Мира. Иди.

Она не ушла. Ключи на ее поясе тихо звенели, потому что руки дрожали.

— Я не сказала тебе главного. Ровена сегодня утром была в твоей комнате у Тарвена. Слуги видели. Она входила с корзиной белья и выходила с корзиной белья. Только белье после нее осталось мятое, как будто его не складывали, а рылись.

Спальня. Тонкая стена, за которой слышно каждый вздох. Если Ровена рылась в белье, она искала не простыни. Она искала печать на дверной ручке, или записку под подушкой, или след от крови, которую я не до конца смыла с тряпки.

— Она нашла?

— Не знаю. Но она вышла довольная.

Я взяла кружку с остывшим отваром и вышла из кладовой. Нина ждала в коридоре. Я отдала ей кружку.

— Брину. Три глотка, через час еще три. Если спросит, кто прислал, скажи — кухня. Не я. Поняла?

Она кивнула. Я вернулась в кладовую, заперла дверь на засов, села на низкую табуретку у печи и посмотрела на свои руки. Под ногтями еще темнела полоска его крови.

Завтра Лин Кейт войдет в эту комнату, посмотрит на банки, на ступку, на чистые полотенца, и спросит, кто здесь работает. Я отвечу: серая невеста. И это будет первое слово о моем статусе, произнесенное при инспекторе. Договор разрешал мне говорить о себе как о серой невесте. Но он не разрешал мне говорить, почему я ею стала.

Ободок на запястье потеплел. Я открыла сумку, достала из-под подкладки записку о лечении драконьих ожогов, развернула, перечитала собственные слова. Подпись: Ирма Вес, травница. Я положила записку обратно и крепко затянула ремень сумки. Завтра я снова буду серой. Сегодня я еще помнила, как меня зовут.

Я стояла у двери спальни и не сразу нашла ручку. Серый ободок на запястье потеплел, едва я коснулась оловянной печати, и дверь открылась без скрипа. Я вошла босиком, неся в руках сумку с лечебными записями. Тарвен лежал на своей стороне кровати, на спине, с рукой, перевязанной мной же. Я положила сумку на стул, достала из-под подкладки записку о лечении ожогов и положила поверх остальных листов.

Тарвен не спал. Я поняла это по дыханию — слишком ровному, с той мелкой задержкой на вдохе, которую он себе позволял, когда слушал.

— Ты оставила записку, — сказал он в темноту.

— Это моя рабочая записка. Она лежит в моей сумке.

— В моей спальне.

— Договор разрешает мне хранить вещи в комнате, где я ночую. Я ночую у вас.

Тишина была плотной. Я слышала, как он сжал пальцы на одеяле.

— Завтра инспектор будет в кладовой, — сказала я в стену.

— Я знаю.

— Книги учета у нас нет. Ровена вынесла рецепты, когда перебирала ваши бумаги.

Он промолчал. Я слышала, как он сдержал имя, которое хотел сказать, и это имя было моим. Он не мог произнести «Ирма» в этой комнате после захода солнца, потому что договор бил его по горлу так же, как мне по запястью.

— Я составлю опись лечебных поставок за две недели. Подпишу как серая невеста. Если инспектор спросит, на каком основании я варю отвары для ваших людей, отвечу: по договору.

— А если спросят о печати?

— Тогда спросят о домово́й книге. А домовую книгу вы сами не хотите показывать инспектору.

Тишина стала другой. Не тяжелой, а голой, как раздетая комната.

— Подпись, — сказал он тихо. — Ты подписала записку как Ирма Вес.

— Это моя подпись. Я всегда так подписываю.

— В этом доме ты серая.

— В этом доме я серая после захода солнца. Утром я травница, которая варит отвары для вашего конюха и лечит ваши ожоги. Мне нужна подпись, которую знает аптекарь на рынке. Если я подпишусь «серая», он откажет в поставках, и через неделю у вас не будет ни мази, ни зелья от кашля.

Я не стала говорить, что это подпись, на которой держится моя работа, а работа — это единственное, что у меня осталось после развода. Он понял.

— Хорошо. Подписывай как хочешь. Утром.

Подписать «Ирма Вес, травница» я должна была утром, но рука у меня тряслась, и я отложила перо. Вместо этого пошла проверить, что осталось от моих запасов.

Кладовая при кухне пахла сушеной мятой и подгоревшей корой. Я открыла шкаф, пересчитала горшки: мазь от ожогов — три, от кашля — два, от лихорадки — один. Травница с такими запасами не прожила бы и месяц. Без подписи меня не возьмут на рынке, а без рынка я не вылечу даже Брина, у которого третий день идет кровь горлом.

Я подошла к полке, где обычно хранила свои личные записи. Нашла чистый лист, развернула чернильницу и начала выводить буквы медленно, по одной, чтобы рука не дрожала. «Ирма Вес, травница». Каждая буква давалась как камень в кладке. Это была та же подпись, которую я ставила под рецептами для аптекаря на рынке, под долговыми расписками за муку, под списком трав, которые покупала для Миры, когда та еще учила меня варить отвары. Теперь этой подписью я скрепляла собственное существование.

Закончив, я подержала лист над чернильницей, чтобы подсох, и положила его под ключ от шкафа. Потом вспомнила: ключ от шкафа я получила от Миры вчера вечером, когда она сунула его мне в руку в коридоре и прошептала: «Завтра Олтон будет считать горшки. Если не сойдется, он запишет недостачу на тебя, а не на Ровену».

Я открыла нижний ящик. Под мешочком с корой лежала тетрадь в кожаном переплете, исписанная мелким Мириным почерком. «Учет расходов лечебной кладовой, лета седьмого года». Я пролистала. Записи обрывались на середине страницы, дальше шли чистые листы. Ровена вырвала то, что ей было нужно, а остальное бросила, когда поняла, что доказательств против меня все равно хватает.

Я взяла перо и начала переписывать. «Первое: мазь от ожогов, основа — гусиный жир, добавка — календула. Списано два горшка по приказу леди Ровены для личных нужд, дата не указана». Рука больше не дрожала. Когда пишешь долг, дрожать некогда.

За стеной хлопнула дверь кухни. Я замерла. Шаги были тяжелые, мужские, и шли они не к лестнице, а в мою сторону.

Стук раздался раньше, чем я успела спрятать тетрадь.

— Открыто, — сказала я, потому что прятать было поздно, а запирать — подозрительнее.

Вошел Олтон Грей. Управляющий замка двигался так, словно считал не только шаги, но и плитки пола. Он поклонился ровно на ту глубину, которая полагалась вычеркнутой жене лорда, то есть почти никакой, и остановился у порога, не входя дальше.

— Лорд Тарвен желает знать, готова ли опись расходов к проверке инспектора.

— Готова, — ответила я и закрыла тетрадь ладонью. — Но в ней не хватает страниц. Тех, что вырвала леди Ровена.

Олтон посмотрел на меня так, словно я сказала, что небо зеленое.

— Я не уполномочен обсуждать действия леди.

— Конечно, не уполномочен. Вы уполномочены доложить лорду, что опись неполная и без его подписи инспектор запишет недостачу на кладовую, а кладовая числится за лордом, а не за мной.

Молчание. Олтон всегда молчал, когда я загоняла его в угол его же регламентом. Я видела, как он перебирает в голове пункты устава: «Управляющий обязан доложить лорду о несоответствии учета в течение дня». Пункт был короткий, и Олтон его знал наизусть.

— Я доложу, — сказал он наконец.

— И добавьте, что без подписи я не могу вести закупки на рынке. Аптекарь отказывается отпускать травы без моей подписи.

— Лорд не уполномочен подписывать за травницу.

— Лорд уполномочен разрешить мне подписывать как мне удобно. Или прикажите ему, чтобы он сварил отвар для Брина сам.

Олтон наклонил голову. Это означало, что я его дождала, но он сделает вид, что это его решение.

— Я передам лорду ваши слова дословно.

Я кивнула. Когда за ним закрылась дверь, я выдохнула и открыла тетрадь снова. Рука больше не дрожала.

Дальше я работала быстро, потому что времени до полудня оставалось мало. Закончила опись, перечитала каждый пункт, убедилась, что везде стоит «Ирма Вес, травница» и дата. Положила тетрадь под ключ от шкафа, поверх нее — лист с подписью. Встала, размяла плечи.

За окном кладовой кто-то возился у колодца. Я выглянула. Во дворе стоял мальчишка лет двенадцати, тощий, с испуганными глазами. Брин. Кашель у него душил так, что слышно было через стекло. Он плевал в снег, и снег розовел.

Я открыла окно.

— Брин. Иди сюда.

Он подошел, втягивая голову в плечи, как будто ждал подзатыльника.

— Кто тебя послал?

— Никто. Я сам. У конюшни душно.

Я протянула ему кружку с оставшимся отваром.

— Пей. Не спорь.

Он выпил, не морщась, и я заметила, что руки у него спрятаны за спиной. На правой ладони, если он ее чуть повернул, был свежий ожог.

— Кто?

— Сковорода.

— С каких пор подмастерья жарят на сковороде?

Брин промолчал. Я достала из кармана тряпицу с мазью, щедро намазала ожог, перевязала. Он смотрел на мои руки, потом вдруг сказал:

— Леди Дара сказала, что вы отравите лорда.

— Леди Дара ошибается.

— Я знаю. Она ошибается часто.

Он ушел, прижимая перевязанную руку к груди. Я закрыла окно.

Через час вернулся Олтон с ответом. Он стоял на пороге, держа в руках лист с печатью замка.

— Лорд разрешает вам подписывать рецепты и учетные книги именем «Ирма Вес, травница». Печать совета для этого не требуется. Лорд ставит свою.

Я взяла лист. Почерк Тарвена, тот самый ровный, без нажима, но в этот раз я заметила, что последняя буква чуть дрогнула. Как будто рука на мгновение перестала слушаться.

— Передайте лорду, что подпись я получила.

Олтон поклонился и ушел. Я положила лист рядом с тетрадью, достала чистый пергамент и вывела сверху, четко, по бумаге:

«Опись расходов лечебной кладовой замка Сейд.

Ведется по требованию инспектора королевской канцелярии Лин Кейт.

Травница: Ирма Вес».

Под именем поставила дату и пошла относить пергамент в кабинет лорда. По дороге пересчитала ступеньки: их было ровно семнадцать, и каждая скрипела по-своему. На пятой я остановилась, потому что услышала из-за двери кабинета голос Тарвена.

— Я подписал разрешение. Этого достаточно.

— Достаточно для кого, лорд? — ответил женский голос, гладкий, с улыбкой. Дара. — Для инспектора, которая считает печати, или для совета, который считает голоса?

Я прислонилась к стене. Обедок на запястье потеплел, но не сжался. Это означало, что меня не звали и не выгоняли. Я могла подождать.

— Для обоих, — ответил Тарвен. — Я ставлю свою печать под ее именем. Если совет не согласен, пусть совет пришлет свою травницу варить отвары для моих людей.

Тишина. Потом Дара сказала тише:

— Вы ставите печать под именем женщины, которая сегодня ночью будет спать за стеной от вас. И вы называете это деловым соглашением.

— Я называю это тем, что есть. Договором без имени. С печатью, которую нельзя обойти.

— А если я расскажу инспектору про ночь?

— Расскажите. Договор от этого не перестанет быть договором. А вот ваш ключ от источника перестанет быть вашим.

Я услышала, как Дара встала. Скрипнул стул.

— Вы угрожаете мне ключом, лорд?

— Я напоминаю вам, что источник — мужское наследье рода Сейд. И что ваш отец-советник не имеет к нему отношения.

Шаги Дары к двери. Я успела отойти от стены и сделать вид, что только подхожу. Дверь открылась, Дара вышла, бледная, с идеальной прической, ни один волос не выбился. Она посмотрела на меня так, словно впервые увидела, и прошла мимо, не сказав ни слова.

Я вошла в кабинет.

Тарвен сидел за столом, руки на пергаменте. Он поднял голову, и я впервые увидела у него под глазами тени, какие бывают у людей, которые не спали всю ночь. Хотя ночью он лежал за стеной и считал вдохи, как я.

— Опись, — сказала я и положила пергамент на стол.

Он взял, прочитал. Пробежал глазами имя «Ирма Вес, травница» сверху листа. Ничего не сказал. Взял перо и подписал внизу, рядом с моей подписью. Поставил печать.

— Довольны? — спросил он.

— Довольна, лорд.

Я взяла пергамент и пошла к двери.

— Ирма.

Обедок сжался. Я остановилась, не оборачиваясь.

— Я не говорил «серая». Я говорил ваше имя.

— Я слышала, лорд.

Я вышла и закрыла за собой дверь. В коридоре облокотилась о стену и дала себе ровно десять секунд, чтобы перестать сжимать пергамент так, что пальцы побелели. Потом разжала руки, разгладила лист, пошла в кладовую. У порога меня ждала Нина с кружкой молока и хлебом.

— Ты ничего не ела с утра, — сказала она. — Зина сказала, ты не ела и вчера.

Я взяла хлеб, откусила. Он был теплый, с хрустящей коркой. Зина пекла по утрам, когда не злилась, а сегодня, видимо, не злилась.

— Передай Зине спасибо.

Нина кивнула и убежала. Я осталась одна в кладовой, с тетрадью, с пергаментом, с подписью, которая теперь была не только моей, но и его.

Завтра в полдень инспектор Лин Кейт сядет за этот стол и проверит каждую цифру. И каждую букву. И если найдет недостачу, спишет на меня. Если найдет лишнее — на Ровену. Если спросит, почему лорд подписал под именем травницы, я отвечу: «Потому что лорд уполномочен разрешить мне подписывать как мне удобно». И это будет правда, которую нельзя вычеркнуть.

Я заперла кладовую, сунула ключ в карман и пошла в подвал проверить, цел ли источник.

Слово «утром» повисло в темноте. Означало оно две вещи: что ночью я серая и он не произнесет моего имени, и что утром я снова стану человеком, к которому он может прийти за лечением.

Я легла, натянула одеяло до подбородка и почувствовала, как ободок на запястье остывает. Тонкая стена между нами не пропускала ни слов, ни взглядов, но пропускала дыхание. Я лежала, считая его вдохи, пока он не уснул, и это была та близость, которую нам оставил договор: слышать, но не касаться.

Я уснула последней. Завтра у меня будет чистая подпись и грязная комната для допроса, и обе вещи были моими.

Глава 2. Ключ от кухни

Медный ключ я сжала в кулаке сразу, как только вышла из кабинета Олтона. Борозда на стержне впиалась в ладонь, и я подумала, что этим ключом до меня открывали не кухню, а чью-то кладовую с долгами. Олтон сказал «на время», как будто «на время» — это не клетка. Олтон сказал «потом отдашь», как будто у меня есть что отдавать, кроме сестры.

Я поднялась по черной лестнице, держась за стену, чтобы не звенеть.

Мира Кесс догнала меня на третьей ступени. Я услышала, как она перекладывает связку ключей из руки в руку — шесть штук, каждый на поясе звучал иначе.

— Куда ты его понесла, — выдохнула она, не поздоровавшись.

— Сперва моя комната, — сказала я, не оборачиваясь. — Потом кухня. Если комнаты нет, мне нужна кладовая и право запираť дверь на ночь.

Она замедлила шаг.

— Твоя комната теперь у него. За перегородкой. Так решили старейшины.

Я остановилась так резко, что она почти налетела на меня. За перегородкой. Буду слышать, как он ворочается, дышит, встает к окну. Буду слышать все.

— Это часть договора, — сказала я. — Не забота.

Мира не ответила. Мы поднялись на площадку, и она отперла дверь в конце коридора — тяжелую, окованную, с петлями, скрипящими на весь этаж. За дверью была узкая комната с одной кроватью, узким шкафом и крошечным окном на внутренний двор. Стену справа закрывала тонкая перегородка, обтянутая серым холстом. Из-за нее пахло его одеждой, его дымом и чем-то сладковатым. Ровена здесь бывала.

— Ключ от кухни, — сказала я, протягивая руку. — И право запираť эту дверь.

Мира покачала головой.

— Замок магический. Оловянная печать на ручке. Опускается в полночь, поднимается на рассвете, если ты внутри.

— Значит, я пленница в этой комнате.

— Значит, ты выполняешь договор.

Я сунула медный ключ в карман и пошла к выходу. На пороге Мира поймала меня за рукав, сильно, до складки на ткани.

— Послушай меня один раз, — прошептала она. — Лена Вес. Твоя сестра. Если ты откажешься от комнаты, Майра остается без приписки. Через год она станет ничейной, и любой соседний лорд с долгом рода Вес сможет потребовать ее в обмен на прощение. Я видела реестр. Он настоящий.

Я выдернула рукав.

— Откуда ты знаешь про реестр?

— Я ключница. Я вижу все двери, которые открываются. Вчера приходил человек от королевской канцелярии. Инспектор. Спрашивал, где живет Майра Вес и под чьей защитой.

Медный ключ в кармане стал ледяным.

— Кто за ней приходил?

— Не знаю. Печать на его грамоте была северная. Твой род.

Я вышла в коридор, не поблагодарив. Горло перехватило. Майра. Еще вчера спала у меня под боком, а сегодня где-то в чужом доме, одна, без имени, без права голоса. Из-за двери кабинета пахло дымом и чернилами — Олтон не закрыл за собой, и я услышала обрывок его разговора с кем-то: «...двести крон из личной казны. Лорд распорядился. Не записывать в реестр рода». Двести крон. Число совпало. У меня свело живот.

На кухне пахло горелым жиром и холодной золой. У плиты возился Брин, мальчишка-подмастерье, перемазанный мукой. Увидев меня, он спрятал за спину краюху хлеба.

— Олтон сказал, ты теперь на кухне хозяйка, — пробормотал он.

— Я лекарь, — поправила я. — Хозяйка — леди Ровена.

Брин шмыгнул носом и отошел к печке.

Я поднялась на три ступени к кладовой при кухне. Дверь была заперта. Медный ключ повернулся с трудом, внутри пахло сушеными травами, солью и старой кровью. Здесь хорошо. Здесь меня никто не услышит.

Я достала из-за пазухи сложенный вчетверо лист. Реестр Майры, который я стащила из канцелярии Олтона час назад, пока он объяснял мне, где я буду спать. Три строки. Имя, род, долг. Двести крон серебром. Число справа пустое — срок уплаты. Ниже приписка мелким почерком: «По истечении срока ничейная, передается любому лорду по запросу».

Я сунула лист под подкладку корсажа, к самому сердцу, и села на лавку. Двести крон. Тарвен обещал отдать послезавтра, из своей казны. Не из казны рода. Это значит одно: он идет против совета. Советник Роэн узнает, на что ушло серебро, и спросит с лорда публично. А публичный вопрос — это публичное имя Ирмы Вес, которого в реестре уже нет.

За стеной кто-то вошел. Тяжелые, неровные шаги, будто человек привык ступать по камню, а не по половицам. Тарвен. Он прошел мимо кладовой и остановился у двери. Я видела тень через щель у порога.

— Зайди, — сказал он глухо.

Я не двинулась с места.

— Я знаю, что ты там, — повторил он.

Я открыла дверь. Он стоял в шаге, рука на рукояти меча. Глаза красные, как у человека, который не спал двое суток.

— Ключ у тебя?

— У меня.

— Покажи.

Я вынула медяк и положила ему на ладонь. Он сжал ключ, и я увидела, как на его запястье под рукавом вспыхнул серый ободок — тот самый, что появлялся у меня при свечах. Печать молчания признала нас обоих.

— Договор стоит, — сказал он тихо. — Ты ночуешь у меня. Ты варишь моим людям лекарства. Ты молчишь.

— Я знаю цену, — ответила я. — Мне нужна Майра.

Он опустил руку.

— Майру я заберу на этой неделе. Под защиту рода.

— Под защиту рода, — повторила я. — А не под твою лично.

— Под мою. Если ты перестанешь задавать вопросы, на которые у тебя нет права.

Я подняла на него глаза.

— Тогда спрошу один. Двести крон. Мой долг. Когда ты их отдашь?

Он смотрел на меня, и впервые за утро я видела в его лице не холод, а усталость.

— Послезавтра. Из моей казны. Не из казны рода. Если ты выполнишь свою часть.

Я кивнула. Он развернулся и пошел к лестнице. Я смотрела ему в спину и думала: две-сти крон — это крючок. Он платит за Майру, значит, Майра становится его заложницей. А я остаюсь его серой невестой, которая слышит через стену, как он дышит, и не имеет права спросить, почему он платит.

Я закрыла дверь кладовой. Медный ключ лег в карман холодной стороной вниз. Завтра с утра — отвар для Брина. Потом письмо Майре. Потом ночь за перегородкой, где пахнет чужими духами.

Медный ключ успел нагреться в кармане, когда в дверь кладовой постучали. Не Тарвен. Стук был сухой, деловой, в два коротких удара.

— Открыто, — сказала я, прижимая ладонью листок с реестром под подкладкой.

Вошла Мира. Поставила на лавку глиняную миску с дымящимся отваром и деревянную ложку.

— Поешь. Ты с утра ничего не ела.

— Я не за этим сюда пришла.

— Знаю. Поэтому и принесла.

Я посмотрела на миску. Крупа, морковь, кусок копченого сала. Желудок свело с самого рассвета, и я села на лавку, не споря. Мира стояла у двери, сложив руки на животе, и смотрела, как я ем.

— Ты слышала, что он сказал? — спросила я с набитым ртом.

— Слышала.

— Двести крон из своей казны.

— Слышала.

— Почему из своей?

Мира переступила с ноги на ногу.

— Потому что казна рода под печатью совета. Советник Роэн держит ключи. А Тарвен не захотел идти к Роэну за серебром для твоей сестры. Завтра Роэн спросит, на что лорд потратил серебро из личной казны. И если узнает, что на ничейную девочку из чужого рода, припомнит и развод, и слухи, и то, что серая невеста ночует за перегородкой без подписи в книге.

Я положила ложку.

— Что ты предлагаешь?

— Стать нужной ровно настолько, чтобы лорд не мог отказаться платить, и ровно настолько, чтобы совет не мог сказать, что он тратит серебро на пустую женщину. Когда ты вылечишь конюха Брина, который третью неделю кашляет кровью, об этом будет знать вся конюшня. Когда сваришь мазь от ожогов для кухарки — вся кухня. Когда дашь мне сонный отвар — буду знать я.

Я понимала. Мира предлагала мне место в замке, которое не вычеркнешь чернилами, потому что оно держится не на договоре, а на работе.

— А Майра?

— Майра приедет. Но сначала ты должна стать тем человеком, без которого этот род начнет разваливаться. Не серой невестой. Лекарем.

Я встала.

— Когда привезут лечебную книгу?

— Завтра утром. Олтон отдаст тебе ключ от верхнего шкафа под расписку. Переписывать рецепты — право. Не выносить, не снимать копии. Источник твой по договору. Подвал, первая ступень вниз, дверь с кованым кольцом. Но об этом завтра.

Мира подобрала миску и пошла к двери. У порога остановилась.

— Ирма. Не верь, что он платит из жалости. Он платит, потому что иначе ему придется отвечать перед королевским инспектором, почему ничейная девочка осталась без защиты. Это не доброта. Это страховка. Страховка работает в обе стороны, если знаешь, как ее использовать.

Она ушла. Я осталась одна. В кладовой пахло сушеным зверобоем и старой кровью, и я впервые подумала, что, может быть, договор без имени — это дверь, которая открывается внутрь.

Я задула свечу и пошла к себе. За перегородкой было тихо. Ни шагов, ни дыхания. Только чужие духи на сером холсте.

За перегородкой кто-то стоял. Не спал. Я узнала это по тому, как изменился воздух: стало суше, будто легкие напротив разом забрали весь пар.

Я замерла у двери, не снимая руки с ручки.

— Спишь? — спросил Тарвен тихо.

— Нет.

— Войди.

Я переступила порог. Серый холст, которым была занавешена его кровать, откинут. Свеча на столе оплыла на треть. Тарвен сидел на краю постели без сорочки. На плече, от ключицы до локтя, тянулся свежий ожог — рваный, с пузырями, тронутый желтой коркой. Пахло паленой кожей и серой.

— Оборот, — сказала я, закрывая за собой дверь.

— Да.

— Левая рука. Ты упал на левую.

Он не ответил. Я подошла ближе. Ожог глубокий, кожа вокруг покраснела и пошла мелкими пятнами. Он держал руку прижатой к боку, чтобы не задеть. Это было небо.

— Дай посмотрю, — я села рядом, на край кровати. — У меня нет ни бинта, ни мази.

— В нижнем шкафу. Замок открыт.

Я достала жестяную коробку с мазью и льняной бинт. Вернулась. Он сидел неподвижно. Я промокнула ожог чистой тряпкой, смоченной в холодной воде. Он не дернулся, только сжал челюсть так, что на скуле проступила жилка.

— Больно? — спросила я, чтобы не молчать.

— Терпимо.

— Врешь.

— Вру, — согласился он.

Я почувствовала, как печать на моем запястье дрогнула и сжалась. Он почувствовал тоже — я увидела, как он опустил глаза на свою руку, где под кожей проступил серый ободок, такой же, как у меня.

— Ты не должен был этого говорить, — сказала я.

— Знаю.

— Договор не про боль.

Писец поднял перо. — Я знаю, про что договор, Ирма.

Мое имя. Он назвал меня по имени впервые за два дня, и печать вспыхнула серым у нас обоих. Я увидела, как он стиснул зубы, по его горлу прошла судорога. Я почувствовала, как обожгло запястье, и не отняла руку.

— Ты не обязан, — повторила я, и голос прозвучал глухо.

— Я обязан. Я подписал.

Я забинтовала плечо быстро, привычным движением, затянула узел. Он смотрел на меня.

— Уходи, — сказала я, не поднимая глаз.

— Завтра Советник Роэн пришлет повторный запрос на реестр Майры. Он хочет знать, на что я потратил серебро из личной казны.

Радан не перебил. — Я знаю.

— Спустись к обеду в сером платье. Подашь хлеб мне и леди Ровене.

— Знаю.

— Я не прошу простить. Я прошу подать хлеб.

Он натянул сорочку. Бинт скрылся под тканью, и передо мной снова был лорд, а не человек с обожженным плечом. Он прошел мимо к двери, остановился на пороге.

— Ирма, — сказал он, не оборачиваясь. — Завтра к обеду спустишься в зал. В сером платье. Подашь хлеб мне и леди Ровене.

— Я слышала.

Он ушел. Я осталась одна в его половине комнаты. На простыне, где он сидел, оставалась вмятина, пахло серой, мазью и его кожей. Завтра к обеду мне будет не на кого злиться кроме себя.

Я вернулась за перегородку и прижала обожженное запястье к груди. Под кожей, ровно и тяжело, бил серый пульс.

Утро пришло с серым светом и запахом дыма из нижней кухни. Я проснулась раньше, чем нужно, от того, что запястье горело. Не сильно — ровно, тонко, как будто под кожей лежала раскаленная игла. Серый ободок потемнел за ночь, кожа вокруг припухла. Я сжала руку в кулак, подержала, разжала. Боль не ушла, но я научилась с ней здороваться.

За перегородкой было тихо. Тарвен ушел до рассвета — я слышала, как скрипнула дверь и как Нина, дежурившая под лестницей, торопливо выпрямилась, пытаясь не звякнуть ведром. В замке пахло кашей и подгоревшим луком — в большой кухне варили на два стола.

Я натянула серое платье, в котором меня привезли. Оно село по фигуре, но рукава были узки, и ободок терся о ткань. Я закатала манжет и посмотрела на себя в осколок зеркала на подоконнике. Серое лицо, серый ворот, тень от ободка на виске. Ни имени, ни рода, ни цвета.

На кухне меня ждал Олтон Грей. У очага стоял, перебирал связку ключей. Рядом жалась Нина с двумя ведрами.

— Договор на столе, — сказал Олтон, не здороваясь. — Подпиши. Получишь право спускаться в подвал и открывать кладовую.

Он положил передо мной лист. Я прочитала: «Обязуюсь не покидать замок без разрешения. Обязуюсь не передавать ключи. Обязуюсь не упоминать имя рода Сейд всуе». Подпись — серая, отпечаток большого пальца на оловянной пластинке. Я подписала. Палец обожгло холодом.

Олтон снял с пояса два ключа — медный и черный с кованым кольцом.

— Медный твой на время действия договора. Потеряешь — вычту из жалованья сестры. Черный на время варки. Возвращается мне каждое утро. Если к обеду ключ не у меня — штраф. Если через сутки — лишение права на источник.

Я взяла ключи. Медный лег в ладонь привычно, черный перекинула на цепочке через шею, под платье.

— Еще одно. Королевский инспектор Лин Кейт прибудет через три дня. Она будет проверять реестр разводов и реестр приписок. Если спросит, кто вы — отвечаете «серая невеста лорда Тарвена Сейда». Имя свое не называете. Если спросит, есть ли род — отвечаете «приписана временно, печать рода Вес истекла с разводом». Если спросит, есть ли право говорить от имени лорда — отвечаете «нет».

Я кивнула. Олтон впервые посмотрел мне в глаза.

— Ирма, Лин Кейт не дура. Она будет давить. Если поймет, что молчание — это печать, а не ваш выбор, потребует печать снять. Снять может только Аэлис. И не вздумайте при ней называть мое имя.

Он ушел. Я осталась с ключами на груди, и медный, и черный оттягивали платье, под ними серый ободок пульсировал в такт.

Нина подошла, поставила ведра.

— Госпожа, вам к обеду в зал. Лорд приказал подавать хлеб. Серое платье, без украшений.

Я поднялась к себе, повязала поверх серого льняной фартук. Нина помогла собрать волосы под косынку, одна прядь выбилась, и я не стала ее прятать.

К обеду зал был полон. За столом лорда сидели Тарвен, леди Ровена и советник Роэн. Я вошла с подносом, низко опустив голову. Хлеб был горячий, я чувствовала его через льняную тряпку. Подала сначала лорду, потом леди Ровене. Ровена взяла ломоть и улыбнулась мне. Улыбка была гладкая, как масло, и я от нее похолодела.

— Спасибо, серая, — сказала она негромко.

Я кивнула и отошла на два шага. Советник Роэн посмотрел на меня поверх кубка.

— Лорд Тарвен, я слышал, у вас новая работница. Подает хлеб. Это та самая серая невеста, о которой судачат?

— Да, — ответил Тарвен, не поднимая глаз. — Подай горчицу, серая.

Я подала. Горчичница была серебряная, холодная. Мои пальцы оказались в пяди от руки Ровены. На ее запястье блеснул браслет — тонкий, серебряный, с гербом рода Тарвена. Герб был мой. Я носила его три года. Теперь он сидел на чужой руке.

Боль в запястье стала резкой, и я поняла, что договор почувствовал то, чего я не могла сказать вслух. Тарвен тоже почувствовал — я видела, как он сжал челюсть и побелели пальцы на кубке. Он не посмотрел на меня. Посмотрел на браслет, и в его взгляде было что-то такое, от чего мне стало хуже, чем от самой Ровены.

Советник Роэн отпил вина.

— Три дня, лорд. Инспектор будет здесь через три дня. Успеете подготовить реестр?

— Успею.

Обед тянулся долго. Я стояла у стены, опустив глаза. Когда лорд встал и увел Ровену к окну, советник подозвал меня жестом.

— Ты, серая. Подойди.

Я подошла.

— Мне доложили, ты умеешь варить отвары. Это правда?

— Да, господин советник.

— У меня в предместьях есть вдова-травница, Тиса. Она тоже умеет. Если к приезду инспектора кто-то из слуг сляжет, я хочу знать, что в замке есть кому его поставить на ноги. Ты понимаешь, о чем я?

Я понимала. Он проверял, на что я гожусь кроме подачи хлеба.

— Понимаю, господин советник. Справлюсь.

— Тогда живи, серая. И помни: молчание — это тоже золото. Только тратить его надо уметь.

Я спускалась медленно, считая ступени. Двадцать две. На третьей скрипнула половица, и я запомнила где. На двенадцатой повеяло холодом из бокового коридора — дверь в ледник была приоткрыта, на пороге стоял мальчик в замасленной куртке, лет десяти, с глиняной миской в руках. Он кашлял так, что плечи вздрагивали.

Я остановилась.

Он увидел меня, миску прижал к груди, как будто я могла отнять.

— Ты кто? — спросил он шепотом.

— Травница, — сказала я. — Ты кашляешь третий день?

Он замотал головой, но тут же закашлялся снова, и на миску упала капля крови. Я шагнула к нему. Он отступил, споткнулся о порог, упал бы, но я успела подхватить миску и его локоть. Он был легкий, как мешок с тряпьем.

— Садись, — сказала я. — Где болит?

Он показал на грудь, под ребра. Я положила ладонь. Под рубашкой кожа горела, и я почувствовала, как под пальцами ходит что-то рваное, неровное. Не просто кашель. Это была та болезнь, которую в наших краях зовут сухой хрипотой, и если ее не поить отваром, она ест легкие изнутри.

— Как тебя зовут?

— Брин, — сказал он.

Я выпрямилась. Брин. Тот самый, которому Олтон велел носить котлы и которому я еще утром собиралась отдать черный ключ от кухни. Значит, ключ у него. Я забыла. Мне стало стыдно: я думала о Майре и забыла о мальчишке, который стоит здесь с миской каши и кровью на губе.

— Ключ у тебя? — спросила я.

Он сунул руку за пазуху, вытащил черный ключ на грязном шнурке. Протянул мне не глядя.

— Я не потерял, — сказал он хрипло. — Я его никому не показывал.

Я взяла ключ, нагретый его телом, и надела себе на шею поверх черного ключа Тарвена. Два ключа легли рядом — мой рабочий и мой позорный. Я подумала, что так теперь и буду ходить: с двумя замками на груди, от кухни и от собственного мужа.

— Брин, — сказала я. — Иди за мной.

Я повела его в ледник, усадила на перевернутое ведро, достала из кармана передника тряпицу с остатками мази от кашля. Ее я варила утром для матери, но мазь была простая, мед с чабрецом и свиным жиром, она годилась и ребенку. Я намазала ему грудь тонким слоем, он сидел тихо, только сопел, и я чувствовала, как под моими пальцами его ребра вздрагивают от каждого вдоха.

— Завтра, — сказала я, — придешь в кладовую у кухни. Я буду там с утра. Принесу отвар. Будешь пить три раза в день, пока кашель не пройдет.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— А если не пройдет?

— Пройдет, — сказала я. — У меня проходит.

Я вытерла руки о передник и пошла к источнику. Брин потащился следом, не отставая, как тень. Я не стала его прогонять.

У двери в подвал я остановилась и прислушалась. Голоса шли сверху, из кабинета над источником. Тарвен говорил ровно, без повышения, я слышала каждое слово, потому что каменный пол здесь был тонкий, а свод низкий, и голоса падали в подвал как вода.

— Олтон, — сказал Тарвен, — сколько у нас серебра до конца квартала?

— Сто двадцать крон, милорд, — ответил Олтон. — Из них шестьдесят — долг лорду Дарену за аренду мельницы. Двадцать — жалованье страже. Десять — кухарке и слугам. Остальное на хозяйство.

— А если я женюсь?

— Если вы женитесь на леди Ровене, милорд, совет возьмет на себя половину долга. Это пятьдесят крон. Останется семьдесят, из них тридцать — ваша доля перед короной за постой инспектора.

— А если не женюсь?

Тишина. Я слышала, как Олтон переложил перо из руки в руку.

— Тогда совет потребует от вас отчета о серебре и о печати на источнике. Они считают, что источник — мужское наследство, и серая невеста не имеет к нему доступа. Если вы не женитесь до конца месяца, они вызовут Лин Кейт досрочно.

— И что сделает Лин Кейт?

— Опечатает источник, милорд. И запретит серой невесте варить отвары. А без отваров замок за неделю встанет. У нас четверо больных, двое из них дети.

Я закрыла глаза. Значит, у меня не неделя, как говорил Роэн. У меня месяц, и каждый день — торг между Тарвеном, который хочет жениться на Ровене, и советом, который хочет женить его на Ровене, и мной, которая варит отвары на кухне без печати и без имени. Если совет закроет источник — Брин умрет через месяц. Если я не выйду замуж за лорда с печатью — Майру заберут за долг.

Я открыла глаза. Брин стоял рядом, прижав миску к груди, и смотрел на дверь в подвал.

— Ты слышал? — спросила я.

— Я слышу все, — сказал он просто. — Я под котлом сижу, когда они говорят.

Я села на ступеньку. Он сел рядом, на нижнюю, подобрал ноги. Я слышала, как наверху Тарвен отодвинул стул и подошел к окну, и как Олтон закрыл книгу.

— Брин, — сказала я, — если тебя спросят, что я тут делала, что скажешь?

Он подумал.

— Что вы дали мне мазь.

— И все?

— И что я обещал прийти завтра.

Я кивнула.

— Иди спать, Брин.

Он встал, отряхнул колени и ушел, шаркая ногами по камню. Я осталась сидеть на ступеньке. Наверху замолчали. Я подумала, что Тарвен сейчас стоит у окна и смотрит во двор, и думает, жениться ему на Ровене или нет, и в обоих случаях он платит серебром, которого у него нет, а в первом — еще и мной.

Я поднялась, спустилась к источнику, открыла черный ключ Тарвена и вошла. Каменный свод был низкий, я могла коснуться его рукой. Вода в источнике стояла ровно, без ряби, и я видела на дне медную монету, которую бросил кто-то из слуг на счастье. Я зажгла свечу, достала из кармана передника тетрадь, ту самую, в которой утром написала «Майра. Долг. Срок. Цена», и перевернула страницу.

На чистом листе я вывела сверху: «Источник. Больные. Срок». Под этим написала столбиком: «Брин — сухая хрипота, месяц без отвара — смерть. Кухарка Зина — кашель с кровью, две недели без отвара — смерть. Стражник у ворот — лихорадка, десять дней без отвара — смерть. Дочь кухарки — ожог, три дня без мази — смерть».

Я подумала и добавила снизу: «Если совет закроет источник — все четверо умрут. Если совет разрешит мне варить — все четверо выживут. Если я выйду замуж за лорда с печатью — совет разрешит. Если нет — закроет. Значит, брак с Тарвеном — не позор, а лекарство. Цена лекарства — Майра, которую я уже отдала. Значит, цена лекарства — я сама».

Я закрыла тетрадь, спрятала за камень у источника, подальше от чужих глаз, и поднялась наверх. В коридоре было пусто, только в конце, у окна, горел огонь. Тарвен стоял там, спиной ко мне, и смотрел во двор. На стекле отражалась его тень, и я видела, что он не снял серый сюртук, хотя уже поздно, и что на его руке, на одном уровне с моим ободком, темнеет красная полоса.

Я подошла. Он не обернулся, но плечи его чуть опустились, как будто он ждал меня и теперь мог не держать спину.

— Милорд, — сказала я.

Он обернулся. Глаза у него были темные, и я впервые увидела, что он устал не от серебра, а от меня.

— Сколько у нас серебра? — спросил он.

— Сто двадцать крон, — сказала я. — Я слышала через пол.

Он не удивился.

— И что вы решили, милорд?

Он помолчал.

— Что я не женюсь на Ровене, — сказал он тихо. — И что я женюсь на вас.

Я вздрогнула.

— Это не позор, — сказала я. — Это лекарство.

— Я знаю, — сказал он. — Я слышал, как вы сказали это в подвале.

Я поняла, что он стоял надо мной и слышал каждое слово. Я покраснела, но не отвернулась.

— Тогда подпишите, милорд, — сказала я. — Сегодня. Пока совет не передумал.

Он кивнул. Я сняла с шеи черный ключ, положила ему на ладонь. Он взял, и наши пальцы встретились на холодном металле, и красная полоса у него на запястье дрогнула, а у меня ободок сжался и отпустил, как будто признал меня.

Мы стояли у окна, и за стеклом падал снег, и я думала, что цена лекарства — это я, и что я согласна.

Он ушел. Я стояла у стены, горело запястье, в кармане лежал медный ключ, черный висел на груди. Цена развода — Майра, которую любой соседний лорд сможет потребовать за долг, если у нее не будет сильной руки над головой. И эта рука теперь сидела за столом с моим гербом на запястье чужой женщины.

Я вернулась в кухню, сняла фартук, достала тетрадь. Первая страница была пустая. Я обмакнула перо и написала сверху, крупно: «Майра. Долг. Срок. Цена». Под этим вывела четыре столбца. В первый вписала «серебро Тарвена». Во второй — «королевский реестр». В третий — «Тиса». В четвертый — «Лин Кейт». Четвертый столбец обвела дважды. Если инспектор впишет Майру под защиту короны — Майра будет ничейная и моя. Если нет — она останется при Тарвене, и тогда договор без имени решает, дышит она или нет.

Я закрыла тетрадь, спрятала под половицу в своей комнате, рядом с медным ключом, и пошла к источнику. Черный ключ повернулся в замке с третьего раза. Под лестницей пахло серой и горячим камнем, и где-то внизу, под полом, я слышала шаги управляющего и его голос, и голос Тарвена. Они говорили о серебре. Они говорили обо мне.

Глава 3. Письмо из архива

Я считала чужие деньги, когда Мира Кесс принесла ключ от архива.

Тяжелая медная штука легла мне в ладонь холодной виной. Я сидела за кухонным столом, перед мной лежала раскрытая долговая книга дома Сейд, и пальцы мои пахли чужим потом. За стеной грохотал котел, булькала вода, кто-то из слуг сдавленно ругался на Нину за разбитый кувшин. Мира ждала, переминаясь с ноги на ногу, и не смотрела мне в лицо.

— Лорд Тарвен приказал, — сказала она наконец. — Сказал, раз уж вы ведете хозяйство, вы должны видеть расходы. До конца недели.

До конца недели. Не до конца месяца, не до первого снега — до конца недели. Я опустила глаза в книгу. Почерк был мелкий, канцелярский, с завитками на каждой цифре. Ирма Вес, серая невеста. Я провела пальцем по столбцу расходов, от лечебных трав до оплаты труда прачек. Сумма внизу страницы была выведена красными чернилами, сбоку стояла пометка управляющего Олтона Грея: «Задолженность перед родом Вес подлежит покрытию».

Мое сердце ушло вниз. Не от страха. От ярости. Род Вес. Майра. Наша сломанная семья, мать в горячке, отец, оставивший после себя только прочерки в чужой кассе. Я перевернула страницу, и там, в графе «должники», стояло мое бывшее имя. Рядом — сумма, которую я никогда не видела и никогда не брала. Залог за Майру. Обучение. Корм. Лекарства для матери. Все сведено в одну сухую цифру с процентами.

Мира кашлянула.

— Он ждет вас в кабинете, — сказала она тихо. — С Олтоном Грей. И с... с ней.

Я закрыла книгу. Ладонь на обложке не дрожала, и я гордилась этим больше, чем следовало. «С ней» означало Дару Сейд, первую невесту, дочь советника, ту, чей тонкий аромат розовой воды я чувствовала в коридорах замка. Ту, чей плащ висел на вешалке рядом с плащом моего бывшего мужа.

Я встала, заправила выбившуюся прядь под серый платок. Архив был через два пролета, мимо лечебной кладовой и по лестнице, где каменные ступени были стерты тысячами шагов. Мира шла рядом, не забегая вперед, и я была ей за это благодарна.

Дверь кабинета была приоткрыта. Я услышала голос Тарвена — низкий, ровный, тот самый, что когда-то обещал мне защиту.

— Она должна понимать, на что подписывается.

Мне не нужно было гадать, кто «она».

Я толкнула створку и вошла.

Кабинет был теплый, заваленный пергаментами. На столе горели три свечи. Олтон Грей стоял у окна с такой прямой спиной, будто проглотил линейку. Дара Сейд сидела в кресле у камина, вышивка в ее руках была аккуратной, как ее репутация. Тарвен поднял голову от стола, и его глаза — светлые, холодные — прошлишь по мне так, будто считывали дефекты на ткани.

— Вот и вы, серая, — сказал он.

Не Ирма. Серая. Я сжала зубы так, что свело скулы.

— Я пришла за книгой, — сказала я. Голос не дрогнул. — И за разъяснениями.

Олтон Грей отлепился от окна и шагнул к столу, раскладывая передо мной новый лист. Почерк был его, ровный, как расческа. Срок — семь дней. Сумма — та самая, с процентами. И в самом низу, отдельной строкой: «В случае неуплаты недвижимость и движимое имущество рода Вес, включая несовершеннолетнюю подопечную, переходят в пользование рода Сейд для покрытия долга».

Включая несовершеннолетнюю подопечную.

Майру.

Я медленно подняла глаза на Тарвена.

— Вы выкупаете мою сестру, — сказала я. Не спросила. Констатировала. — За долг, который не я брала.

— Закон есть закон, — подал голос Олтон Грей. — Запись в домовой книге сделана при совете. Ваше имя вычеркнуто, значит, поручителем выступает глава рода. Глава рода — вы, как старшая. Вы теперь в замке, но поручительство остается на вас.

Логика была чистой и отвратительной. Меня вычеркнули из рода Сейд, вернули как серую невесту без имени, а долги моего собственного рода повесили на меня как на последнюю взрослую женщину в семье. Я не могла уехать — метка на запястье не пустит. Не могла молчать — за мной следили. Не могла заплатить — у меня не было ни гроша.

— Кто подписал этот долг? — спросила я.

— Ваш отец, — ответил Тарвен.

— Мой отец умер.

— Значит, долг перешел к вам.

Дара Сейд отложила вышивку и впервые посмотрела на меня. В ее глазах было что-то вроде любопытства, как у кошки, которая смотрит на птицу в клетке.

— Я могла бы похлопотать за вашу сестру, — сказала она мягко. — У моего отца есть связи. Девочку можно определить в приличный пансион. С приданым.

«Приданым» было имя Майры. Я поняла это сразу. Приданым — это значит выдать замуж за кого надо, за человека, который будет должен роду Сейд. Я посмотрела на вышивку в ее руках — белые лилии на синем поле, родовой герб Сейд.

— Нет, — сказала я.

Тарвен чуть двинул бровью.

— У вас нет выбора, серая, — сказал он.

— Я сказала — нет.

Тишина в кабинете стала густой, как суп, который забыли снять с огня. Мира за моей спиной сделала крошечный вдох. Олтон Грей сжал губы. Я видела, как Тарвен смотрит на меня — не как на бывшую жену, не как на служанку, а как на человека, который впервые за долгое время сказал «нет» в его собственном кабинете.

— Тогда у вас неделя, — сказал он наконец. — Чтобы найти деньги, поручителя или смириться.

Он назвал это «смириться», и это слово обожгло мне горло сильнее любой печати.

Я взяла лист со стола, аккуратно свернула его вчетверо и сунула за пазуху. Рядом с ключом от архива. Рядом с серым ободком на моем запястье, который на мгновение стал теплым, будто метка услышала мой пульс.

Я вышла из кабинета, не оглядываясь. Мира шла за мной, и ее шаги были слишком тихими для человека, который только что видел, как бывший лорд назначил бывшей жене недельный срок на выкуп собственной сестры.

В архиве я положила перед собой долговую книгу, открытую на странице рода Вес, и начала считать заново. Каждая цифра была ударом. За травами для матери. За обучение Майры. За постой. За проценты, которые набежали за три года, пока меня не было. Если я сэкономлю на всем — на свечах, на муке, на новых простынях — мне хватит закрыть четверть. Не больше. Для остального нужен был покровитель. Сильный. С печатью. С правом вето в совете.

Такого покровителя в этой комнате не было. За дверью — возможно. Но цена, которую он попросит, будет выше любых процентов.

Я перевернула страницу и увидела подпись отца. Сухую, дрожащую, с каплей чернил, которую он не заметил. Я закрыла книгу, прислонилась к стене и досчитала до десяти. Потом до двадцати. Потом вернулась к столу и начала писать список всего, что можно продать из хозяйства замка, не убив слуг.

Семь дней. Майра. Закон. Я вывела эти три слова в верхней части листа и подчеркнула каждое дважды.

Лестница вниз пахла квашеной капустой и мокрой золой. Я считала ступени, чтобы не считать деньги. Семь, четырнадцать, двадцать одна. На двадцать второй ободок на запястье стал теплым, и я остановилась, схватившись за перила. Метка никогда не грела меня без причины. Либо кто-то вошел в замок, либо Майра сделала что-то, о чем я узнаю слишком поздно.

Кухня была пуста. Нина мыла котлы у дальней стены, Брин чистил ножи. Увидев меня, Брин торопливо спрятал под фартук что-то блестящее — то ли монету, то ли ключ. Я сделала вид, что не заметила. У меня не было времени на чужие тайны, когда у меня собственной хватало.

— Мне нужен перечень хозяйственных запасов, — сказала я Нине. — Свечи, мука, крупа, соль, масло, дрова. По неделям. И отдельно — что списывается в месяц на кухню и на лечебную кладовую.

Нина вытерла руки о передник и посмотрела на меня так, будто я попросила ее полететь.

— Зачем вам, серая?

— Затем, что меня попросили за неделю найти сумму, на которую можно купить приданое младшей сестре, — ответила я. — Списать не получится. Продать — возможно. Мне нужно знать, чем я могу торговать, не убив при этом замок.

Нина медленно кивнула и полезла в нижний ящик буфета за тетрадью. Брин отложил ножи и подошел ближе, пугливо косясь на дверь.

— А правда, что вас отдали лорду обратно за долг? — спросил он.

— Правда, — сказала я. — Только не отдали. Вернули. Это разные слова.

Я взяла у Нины тетрадь, раскрыла на чистой странице и начала писать. Свечи сальные, свечи восковые. Мука ржаная, мука пшеничная. Масло льняное, масло сливочное. Каждая строка — монета. Каждая монета — день, отнятый у Майры. Я писала быстро, потому что руки тряслись, а когда руки трясутся, лучше писать, чем молчать.

Дверь кухни скрипнула. Вошел Олтон Грей с папкой, перевязанной бечевой, и замер, увидев меня над тетрадью. Его лицо не изменилось, но спина стала еще прямее, а это у Олтона всегда означало неудовольствие.

— Серая, — сказал он. — Лорд Тарвен желает, чтобы вы явились в лечебную кладовую. У Брина лихорадка.

Я посмотрела на Брина. Брин стоял в трех шагах от меня, бледный, с мокрыми от страха глазами. Лихорадки у него не было — я бы почувствовала жар даже через всю кухню. Но Олтон смотрел на меня так, будто я обязана была подчиниться, и я поняла: это проверка. Не Брина проверяют. Меня.

Я закрыла тетрадь, оставив карандаш между страницами, и встала.

— Идемте, — сказала я.

Лечебная кладовая была в конце нижнего коридора, за кладовой для припасов. Дверь была обита железом, и на ручке висел замок, к которому у меня не было ключа. Олтон достал связку и отпер. Внутри пахло сушеным зверобоем, пчелиным воском и чем-то кислым — старой кровью, которую плохо отмыли.

Я вошла, и замок за моей спиной не щелкнул. Обернулась. Олтон стоял в коридоре.

— Дверь будет открыта, — сказал он. — На случай если вы что-то захотите... переписать.

Я кивнула. Он ушел, и его шаги по каменному полу звучали как счет, который мне никогда не сойдется.

На полке у окна стояли склянки с подписями. Я знала их почти все — оставшиеся с прежних времен, когда я еще имела право сюда входить. Настойка пустырника, отвар коры ивы, мазь от ожогов. И в углу, за мешком с льняным семенем, стояла бутылка темного стекла без подписи. Я достала ее, понюхала. Вода. Простая вода, подкрашенная чем-то рыжим.

Я поставила бутылъ на место и вернулась к столу. На нем лежала раскрытая книга прихода-расхода лечебных трав, и на полях, мелким почерком Миры, было написано расписание варок. Сегодня — ничего. Завтра — отвар для кухарки. Послезавтра — для конюха.

Я взяла перо и начала переписывать рецепты на отдельный лист. Не для себя — для Майры. Если меня не станет или меня вычеркнут окончательно, сестра должна знать, как сварить отвар от лихорадки, как остановить кровь, как успокоить кашель. Я писала быстро, без пояснений, одними дозами и порядком действий. Пусть учится по сухим строчкам, как училась я сама.

Когда лист был готов, я сложила его вчетверо и спрятала за подкладку фартука, туда, где раньше лежал ключ от архива. Там же, за пазухой, лежал теперь и долговой лист Тарвена. Два документа, которые прижимались к моему телу, как два разных приговора.

В коридоре послышались шаги. Я закрыла книгу и выпрямилась. На пороге стоял Тарвен. Без свечей — лечебная кладовая освещалась только узким окном — его лицо казалось серым, и я подумала, что впервые вижу его в том же цвете, в каком меня видит весь замок.

— Олтон сказал, что вы переписываете рецепты, — сказал он.

— Я переписываю то, что имеет право переписать любая кухарка, — ответила я. — Расписание варок. На случай, если кто-то заболит ночью.

Он сделал шаг в кладовую. Дверной проем был узким, и ему пришлось повернуться боком. Я почувствовала запах его одежды — лошадиный пот, холодный камень и что-то, что я когда-то любила. Теперь это просто раздражало.

— У вас неделя, — сказал он тихо.

— Я помню.

— Я могу продлить срок. До десяти дней. Если вы перестанете считать чужое добро и займетесь тем, ради чего вас сюда вернули.

Я посмотрела ему в глаза. Светлые, холодные, с тем злым золотом, которое я помнила по первой брачной ночи.

— Ради чего меня сюда вернули? — спросила я. — Чтобы я варила отвары или чтобы я молчала в вашей спальне?

Метка на моем запястье дернулась, будто кожа стянулась на полразмера. Тарвен сжал челюсть так, что желваки проступили под кожей. Он не ответил. Развернулся и вышел, и я услышала, как его шаги быстро стихли в коридоре.

Я осталась одна. Кладовая пахла травами. За окном падал снег. Я достала из-за пазухи лист с рецептами для Майры, развернула и в самом низу, после строки про отвар от кашля, дописала: «Если тебе предложат приданое — не соглашайся, пока не покажешь бумагу мне. Любую бумагу, за которой стоит чужое имя». Потом сложила лист обратно и засунула за подкладку.

Семь дней. Майра. Закон. И рецепт, который должен дойти раньше, чем закон доберется до нее.

Я пересчитала склянки заново, потому что первый раз сбилась на мешке с льняным семенем. Двадцать четыре позиции. Восемь из них без подписи, четыре пустые, одна — та самая бутылъ с подкрашенной водой. Под каждую подписанную склянку я подводила черту и писала рядом цену, которую помнила по осенней ярмарке у северных ворот. Пустырник — полторы мелких монеты за горсть. Ива — две. Зверобой — почти даром, если рвать самой.

Каменный пол под ногами держал тепло от кухонной печи. Через него я слышала шаги. Сначала — Нинины, быстрые и легкие, она таскала воду. Потом — Брина, тяжелые, спотыкающиеся, мальчик тащил что-то большое. Потом — Олтону, ровные, как метроном, и за ними — другие, чужие, в кожаных подошвах. Слуги, гости, стража. Я училась читать этот пол, как слепая учится читать шрифт пальцами.

В коридоре хлопнула дверь. Я замерла над тетрадью. Шаги приближались — тяжелые, мужские, но не Тарвеновы. Слишком торопливые, слишком громкие для слуги. Дверь в кладовую распахнулась, и на пороге встал Советник Роэн — в дорожном плаще, с мокрым от снега воротником, с печатью королевской канцелярии на груди, прицепленной к цепи. За ним — Лин Кейт, молодая, в мужском костюме для верховой езды, с перчатками за поясом и блокнотом в руке.

Я встала. Метка на запястье потеплела — не от магии, от страха. Так бывает: когда тело ждет удара, кровь приливает к коже.

— Серая, — сказал Роэн, и в его голосе было то особенное советническое масло, которым он смазывал каждое слово, прежде чем отравить. — Королевский инспектор желает осмотреть лечебную кладовую. Приказ о ревизии подписан. Вы не имеете права препятствовать.

Я посмотрела на Лин Кейт. Она не улыбалась и не хмурилась — она меня изучала, и в ее взгляде было то профессиональное спокойствие, с которым смотрят на цифры в чужой ведомости.

— Я не хозяйка кладовой, — сказала я. — Я переписчица. Спросите у лорда Тарвена.

— Лорд Тарвен в отъезде, — ответил Роэн. — До вечера. Поэтому я здесь. Как ставленник совета.

Лин Кейт сделала шаг мимо него и остановилась у моего стола. Увидела тетрадь с ценами. Увидела список склянок. Увидела перо, зажатое в моих пальцах.

— Кто дал вам право вести учет лечебных трав? — спросила она.

— Право переписать расписание варок имеет любая кухарка, — ответила я. — Это не учет имущества. Это памятка для ночных болезней.

Лин Кейт кивнула — коротко, как ставят точку в нужном месте — и открыла свой блокнот.

— Имя, — сказала она.

— У меня нет имени, — ответила я. — Я серая невеста. В домовая книга меня нет.

Метка дернулась. Не сильно, но достаточно, чтобы Роэн заметил — он следил за моим запястьем, как следят за рукой вора. Лин Кейт тоже посмотрела. Потом подняла глаза и впервые посмотрела мне в лицо так, будто видела меня, а не должность.

— Домовая книга рода Сейд, — сказала она ровно. — Где она хранится?

— У Олтона Грея, — ответила я. — Ключ у лорда и у старейшины Аэлис.

Роэн кашлянул.

— Инспектор, запись о разводе сделана по закону. Печать старейшины приложена. Зачем тревожить книгу, если дело закрыто?

— Дело закрыто, когда закрыт реестр, — ответила Лин Кейт, не поворачиваясь к нему. — Реестр закрывается моей подписью. Без нее запись считается черновиком.

Я почувствовала, как у меня пересохло во рту. Если Лин Кейт доберется до книги, она увидит. Вычеркнутое имя. Подпись Тарвена. Печать Аэлис. И рядом — пустое место, куда полагалось вписать меня обратно, но никто не вписал, потому что договор без имени писался намеренно без имени.

— Когда вы хотите видеть книгу? — спросила я.

— Сегодня, — ответила Лин Кейт. — До темноты.

Роэн шагнул к ней, и в его движении было что-то от человека, который привык, что двери открываются по его кивку.

— Книга в запечатом архиве, — сказал он. — Без присутствия Тарвена или старейшины я не могу...

— Вы можете, — перебила Лин Кейт. — Я инспектор королевской канцелярии. Мой приказ выше вашего разрешения.

Она закрыла блокнот, спрятала за пояс и пошла к двери. У порога остановилась и обернулась ко мне.

— Серая, — сказала она, и впервые в этом слове я услышала не обиду, а место в списке. — Вы присутствовали при разводе?

Я открыла рот. Метка ударила по горлу так, что я захлебнулась воздухом. Роэн смотрел на меня, и в его глазах было то сытое спокойствие, с которым смотрят на рыбу, севшую на крючок.

— Она не может отвечать, — сказал он мягко. — По договору. Вы же знаете.

Лин Кейт посмотрела на него долгим, ровным взглядом, потом на меня, потом на мою тетрадь с ценами, лежавшую на столе.

— Я знаю, — сказала она. — Я записываю.

Она ушла. Роэн задержался на пороге, посмотрел на бутылку с подкрашенной водой, и что-то в его лице дрогнуло — не улыбка, не усмешка, а узнавание. Потом он натянул перчатки и вышел, и в коридоре его шаги смешались с шагами инспектора.

Я села на табурет. Руки тряслись, и я положила их на колени, чтобы не тряслись. Метка на запястье медленно остывала. За окном все так же падал снег, и в кухне подо мной Нина гремела котлами, и я слышала через камень, как она напевает — тихо, не зная, что я слушаю.

Через полчаса Олтон Грей принес мне записку. Короткую, без подписи. «Книгу доставили в архив. Печать вскрыта». И ниже, другим почерком — торопливым, женским — приписано: «Строка о разводе не совпадает с реестром приписок. Жду вас вечером в архиве. Л.К.»

Я сложила записку и спрятала за подкладку фартука, к рецептам для Майры и долговому листу. Три документа на одном теле. Я пощупала их сквозь ткань — плотные, теплые, как три маленьких камня, которые нужно не уронить.

Я спрятала записку за подкладку фартука, к рецептам для Майры и долговому листу. Три документа на одном теле, три тонких листка, от которых зависит, выживет ли младшая сестра или ее продадут за чужой долг как скотину.

До вечера я должна была попасть в архив. Метка на запястье лежала ровно, теплая и сытая, и от этой сытости меня мучило. Я поднялась к себе, к узкой кровати за тонкой стенкой, и села на край. Через перегородку я слышала, как Нина возится в комнате Тарвена: двигает таз, роняет полотенце, бормочет что-то про чужие волосы на расческе.

Потом шаги Тарвена. Тяжелые, низкие, как удары камня о камень. Я встала и пошла навстречу, потому что не имела права не встретить: договор требовал, чтобы серая невеста видела лорда каждый вечер.

Он вошел в спальню уже без плаща. Под ключицей, там, где ворот рубашки расходился, я увидела тонкий серый след — новый, свежий, похожий на ожог от магии. Значит, он тоже говорил о разводе. Значит, его тоже нашли.

— Инспектор Лин Кейт приехала, — сказала я. — Советник Роэн при ней. Книгу уже вскрыли.

Он смотрел на меня, не мигая. Глаза были темные, и в них стояла та усталая тяжесть, которую я узнавала по себе.

— Ты знала, — сказал он, и это был не вопрос.

— Я считала цены по ярмарке. Я не читаю чужих гостей.

— Ты слышишь через пол.

Я не стала спорить. Метка кольнула, едва заметно, и я положила ладонь на запястье.

— Я не могу отвечать на вопросы о разводе, — сказала я. — Если меня спросят при слугах, метка ударит. Вы это знаете, лорд.

— Тарвен, — поправил он.

— Лорд, — повторила я. — По договору. Только лорд.

Он стянул перчатки, бросил их на стол. Пальцы у него были холодные, я видела, как он сжал их в кулак, чтобы согреть.

— Я поеду с тобой в архив, — сказал он.

— Вы не можете. Лин Кейт вызвала меня одну.

— Я могу приказать.

— Прикажете. Я не пойду.

Он шагнул ко мне. Я отступила, но он успел взять меня за подбородок, осторожно, не больно, и я почувствовала его ладонь — шершавую, пахнущую холодным железом и чужим дымом.

— Ирма, — сказал он, и метка на моем запястье вспыхнула так, что я зашипела сквозь зубы. — Я не знал, что они сделают это сегодня.

Я вывернулась. Щека горела.

— Метка жжет вас тоже, — сказала я. — Если мы оба назовем правду при чужих, она сожжет нам обоим горло. Вы это знаете. Лучше молчите.

— Молчание убивает медленнее, чем правда, — ответил он.

Я смотрела на него и впервые за долгое время видела не лорда, не мужа, не врага, а человека, которому предстоит выбирать между честью рода и честью женщины, которую он уже один раз продал.

— Я пойду в архив одна, — повторила я. — Если Лин Кейт спросит о разводе, я не отвечу. Метка за меня ответит. Если она спросит о Майре, я отвечу.

— Она спросит о разводе, — сказал он. — И Роэн будет стоять рядом и улыбаться.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты идешь?

— Потому что Майра без защиты. И потому что у меня есть лист бумаги, на котором я могу показать инспектору долг рода Вес, и пусть она сама решит, кто из нас врет.

Он долго смотрел на меня. Потом кивнул — коротко, как ставят точку в нужном месте.

— Я пришлю Олтона, — сказал он. — Он откроет тебе дверь и не войдет.

— Спасибо, лорд.

Я вышла. В коридоре пахло воском и сырым камнем, и я шла по знакомому полу, считая шаги до архива, как считают монеты до последней. У двери стоял Олтон с ключом, и в его глазах я впервые увидела не канцелярскую пустоту, а усталое узнавание.

Он отпер замок. Я вошла.

Глава 4. Печать на ладони

Я прижимаю к груди глиняную миску с теплой кашницей из льняного семени, и мои пальцы пахнут медом и пеплом. В спальне Тарвена жарко натоплено, потому что драконья кровь не выносит сквозняка, а у меня спина мокрая от пара. На кровати, прямо на моем узком матрасе, перевязанном полотном, лежит ладонь в ладонь раненый конюх с ожогом от упряжи, и под повязкой у него горит, я чувствую жар даже через тряпку.

Рядом стоит Мира Кесс и смотрит на меня так, будто я только что призналась в краже серебряной ложки.

— Ирма, — говорит она тихо, — у нас есть лекарь из предместий, Тиса. Зачем тебе самой?

Потому что Тиса пьет с утра, и потому что договор молчания распространяется только на слова, а руки мои он не запер.

— Сними повязку, — прошу я, не глядя на нее.

Полотно отходит с мясом. Под ним багровая полоса от крючка, и кожа вокруг лоснится, как у сливовой косточки. Я мажу кашницу толстым слоем, и конюх шипит сквозь зубы. Хорошо. Шипит — значит чувствует. Чувствует — значит жить будет.

В дверях темнеет силуэт.

Тарвен Сейд входит не стуча, как входят хозяева, которым весь дом принадлежит по бумаге и по крови. За ним, как тень, Олтон Грей с пером и бумагой, и я понимаю, что меня сейчас будут продавать по счету.

— Что здесь происходит? — спрашивает Тарвен, и его голос низкий, как гудение тетивы.

Я молчу. Мне нельзя говорить о прошлом, но можно молчать о работе, и молчание о работе не считается за нарушение. Договор это позволяет.

— Госпожа Вес лечит ожог конюху, — отвечает за меня Мира. — Без вызова. Без разрешения.

— Я разрешаю, — говорит Тарвен ровно, и мой пульс сбивается.

Он делает шаг ближе, и от него пахнет холодной кожей и чужими духами. Ровенины духи. Я узнаю их по горькой ноте ириса. Я не поднимаю глаз. Если подниму, магия договора может решить, что я пытаюсь что-то сказать о прошлом, и сожмет мне горло прямо при нем.

— У нас есть лекарь, — повторяет Мира, и в ее голосе слышно, как она боится. Не за меня. За свое место ключницы, которому я сейчас угрожаю.

— Тиса пьяна, — отвечает Тарвен. — Я проверял.

Он садится на край моей кровати. На моей, не на своей широкой, где лежит его подушка с вышитой золотой буквой С. Я чувствую, как продавливается матрас под его весом, и у меня внутри что-то сжимается, потому что он сел слишком близко к раненому конюху, а значит, и ко мне.

— Договор, — говорит он Олтону, не мне. — Читай.

Олтон разворачивает свиток. Я знаю, что там. Я подписывала вчера ночью, при свечах, когда Тарвен не мог произнести мое имя и от этого у него на шее проступил серый след, похожий на ожог.

— «Женщина без имени обязуется молчать о прошлом брака. За это получает защиту рода для младшей сестры и право на кров и лечебную работу в доме лорда. Нарушение молчания карается болью обоим».

Он делает паузу. Я слышу, как бьется мое сердце, и оно стучит в уши, как молотком в пустую бочку.

— «Женщина получает право именоваться травницей при слугах, но не при господах. Право дается печатью и ключом. Отказ от печати означает отказ от защиты сестры».

Печать. Оловянная, как обещали. Ключ. Медный, без бирки.

Я поднимаю глаза. Тарвен смотрит на меня в упор, и в его взгляде есть что-то, что я не могу назвать. Не злость. Не сожаление. Что-то новое, что появилось только вчера ночью, когда он не смог произнести мое имя.

— Ты хочешь защиту для Лены? — спрашивает он.

Я киваю. Один раз. Четко.

— Тогда печать.

Олтон кладет на край стола оловянную монету с грубо вырезанной буквой С и медный ключ без бирки. Я смотрю на них и не двигаюсь. Я знаю, что как только я приму печать, я перестану существовать для этого дома как Ирма Вес, жена лорда. Я стану серой тенью, которая варит отвары и спит за перегородкой.

Но без печати Майру через год отдадут соседнему лорду за долги отца.

— Я беру, — говорю я, и мой голос звучит глухо, как из-под воды.

Олтон подает мне оловянную монету. Она холодная и тяжелая, и когда я прижимаю ее к левой ладони, кожа под ней начинает гореть. Не сильно. Пока не сильно. Как предупреждение.

Я сжимаю кулак. Печать ложится на кожу и не отпускает. Я чувствую, как она впивается в линии руки, и это больно, и это правильно, потому что теперь у меня есть выбор.

Я беру ключ. Медный, гладкий, без опознавательных знаков. Комната в восточном крыле. Не спальня лорда, нет. Каморка для прислуги, которую мне отвели по статусу серой невесты.

— Где комната? — спрашиваю я, хотя по карте замка знаю.

— За кладовой, — отвечает Мира, и в ее голосе я слышу облегчение, потому что теперь я перестану спать в спальне Тарвена за перегородкой, и слухи утихнут.

Я не слушаю. Я смотрю на свою ладонь, где оловянная буква С уже выросла в кожу, и она не серебристая, как я думала, а серая, как утренний дым.

— Работай, — говорит Тарвен и встает.

Он уходит, и за ним тянется запах чужих духов. Я снова беру миску с кашницей и продолжаю мазать ожог конюху, и мои руки не дрожат. Рукам все равно, есть у меня имя или нет.

Я стою у двери в восточное крыло с ключом в руке, и ключ не лезет. Медная бородка упирается в дерево, и я чувствую, как металл скребет по чему-то внутри замка, будто там засохла старая горечь.

Я пробую снова. Поворачиваю медленнее, прижимаю плечом, и наконец раздается сухой щелчок. Дверь открывается внутрь, и в нос ударяет запах пыли, мыла и чужого пота. Не Тарвена. Чего-то более дешевого.

Комната узкая, как пенал. Кровать продавлена посередине, и на матрасе остался отпечаток чьей-то спины, выцветший, но честный. У стены сундук без крышки, в сундуке тряпки, пропахшие кухней. Окно маленькое, низкое, и через него виден только кусок двора и коновязь, где утром будут привязывать лошадей.

Я кладу сумку на кровать. Под подкладкой лежат три листа: долговой, рецепты для Майры, записка от Лин Кейт. Я чувствую их пальцами, как шрам, который никогда не заживет.

В коридоре слышны шаги. Не Тарвен, тот ходит так, будто земля ему должна. Это Нина, моя приставленная, и она топает обеими ногами сразу, как ребенок, который боится опоздать.

— Серая, — говорит она в дверь, — лечебная ждет. Конюх стонет.

Я поправляю фартук, проверяю, чтобы печать на левой ладони не светилась наружу, и выхожу. Печать серая, как утренний дым, и она не серебрится даже у свечи, но я все равно прячу руку в карман. Привычка, которой со мной не было вчера.

В лечебной кладовой прохладно и пахнет сушеной мать-и-мачехой. Конюх лежит на лавке, и его ожог от упряжи уже не сочится, но кожа вокруг натянута и блестит, как у сливовой косточки. Мира Кесс стоит у полки, перебирает склянки, и при моем появлении не оборачивается.

— Тиса пьяна, — говорю я вместо приветствия. — Если я уйду, он умрет до утра.

Мира наконец смотрит на меня. В ее глазах я вижу страх за свое место ключницы и стыд за этот страх, и стыда больше.

— Я не об этом, — отвечает она тихо. — Олтон у ворот. Инспектор Лин Кейт приехала на день раньше. Ей нужен список поставок за три года, а книги учета нет. Ровена вынесла рецепты при переборке бумаг мужа.

Я снимаю с полки банку с густым отваром и нюхаю. Чабрец, мать-и-мачеха, капля льняного масла. Подходит.

— И что ты хочешь от меня? — спрашиваю я, хотя знаю. Она хочет, чтобы я составила опись заново. Под своим именем или под серой меткой, и в обоих случаях это будет против кого-то.

— Составь, — говорит Мира. — Подпиши как травница. У тебя есть право по договору.

Я молчу. У меня есть право именоваться травницей при слугах. Но опись поставок за три года это не работа в кладовой, это доступ к хозяйственным книгам, которые Ровена считает своими. Если я подпишу такую опись, Ровена решит, что я лезу в ее бумаги.

— Нет, — говорю я. — Пусть инспектор спросит Ровену.

Мира бледнеет.

— Ровена не даст ей книги. Она скажет, что они сгорели при переезде.

— Значит, сгорят, — отвечаю я и начинаю мазать ожог конюху.

Руки мои не дрожат. Я думаю о Майре, которая сейчас за сто миль отсюда спит на чужой подушке, и о том, что если завтра Лин Кейт спросит меня о разводе, я не смогу ответить. Магия сожмет мне горло прямо при инспекторе, и Майра останется без защиты.

Я кладу тряпку с кашицей на ожог и чувствую, как конюх выдыхает. Хорошо. Живой.

За дверью раздается голос Олтона, ровный и канцелярский:

— Инспектор ждет в кабинете лорда. Список поставок нужен до вечера.

Я не отвечаю. Я смотрю на свою левую ладонь, где печать С уже выросла в линию жизни, и чувствую, как она чуть теплеет, будто кто-то рядом произнес мое имя вслух и забыл прикусить язык.

— Мира, — говорю я наконец. — Дай мне чистый лист. Я составлю список того, что помню. За этот месяц. Не за три года.

Мира кивает. Она не спрашивает, почему я выбрала месяц, а не годы. Она знает, что за три года половина трав списана на имя Ровены, и если я это впишу, инспектор спросит, откуда у серой невесты такие подробности.

Я сажусь за стол и начинаю писать. Перо скрипит. Конюх за моей спиной дышит ровнее. В коридоре пахнет холодной кожей и ирисом, и я понимаю, что Тарвен прошел мимо двери, но не остановился.

Это его новый способ разговаривать со мной. Проходить мимо.

К обеду у меня готов лист на две страницы. Чабрец, мать-и-мачеха, льняное семя, мед, воск, уголь, сухой мох. Я подписываю внизу: «Ирма Вес, травница». Не серая невеста, не приживалка. Имя, которое мне больше не принадлежит по бумаге, но которое еще принадлежит мне по работе.

Я кладу лист на стол, и Мира смотрит на подпись так, будто я только что всадила нож в стену.

— Покажешь инспектору? — спрашиваю я.

Она качает головой.

— Покажу лорду.

Я киваю. Мне все равно, кому покажут. Мне важно, чтобы Лин Кейт увидела, что в замке есть человек, который помнит, какая трава от чего, и что этот человек готов за это отвечать именем, даже если имя теперь серая буква на левой ладони.

Я возвращаюсь в свою каморку. В коридоре темно, и я слышу, как за стеной у комнаты Тарвена кто-то тихо плачет. Не он. Женщина. По голосу Нина.

Я стучу.

— Серая? — Нина открывает, и у нее красные глаза. — Тарвен Сейд требует тебя в кабинет. По поводу списка. Он зол.

Я смотрю на нее. Потом на свою сумку, где под подкладкой лежат три листа. Потом на дверь в конце коридора, за которой меня ждет муж, который вчера не смог произнести мое имя, а сегодня требует к себе.

Я поправляю фартук. Печать на ладони чуть теплеет.

— Иду, — говорю я и иду.

Дверь в кабинет тяжелая, дубовая, с медной кляксой замка, и от нее тянет холодом, как из погреба. Я толкаю плечом, и петли не скрипят, потому что их кто-то смазал маслом. Недавно. Запах свежий, прогорклый, рыбий.

Тарвен стоит у окна, спиной ко мне, и свет лежит на его плечах, как чужой плащ. На столе разложен мой лист, подпись «Ирма Вес, травница» смотрит в потолок. Рядом лежит второй лист, чистый, и перо торчит из чернильницы, как палец.

— Закрой, — говорит он, не оборачиваясь.

Я закрываю. Замок щелкает. Звук получается сухой, окончательный, и я считаю про себя до трех, чтобы горло не сжалось раньше времени.

Он поворачивается. У него под ключицей, с левой стороны, я вижу свежий серый след, будто кто-то приложил раскаленную монету и убрал. Магия уже отыграла, но кожа помнит.

— Подпись, — говорит он коротко.

— Моя.

— Имя.

— Мое.

Он делает шаг. Я не отступаю, потому что отступать мне некуда, дверь за спиной, и у меня нет привычки показывать спину мужчине, который вчера не смог назвать меня по имени.

— Инспектор уедет через два дня, — говорит он тихо. — Ей нужен список. Не под серой печатью. Под именем живого человека, которого она может вызвать и допросить.

Я молчу. Я знаю, к чему он ведет. Если я подпишу опись поставок именем Ирма Вес, инспектор увидит, что в замке есть травница с собственным именем, с памятью, с работой. Но также инспектор увидит, что в домовоей книге меня больше нет, и спросит, на каком основании я живу в спальне лорда и варю его слугам отвары.

— Ты понимаешь, что тогда она спросит о разводе, — говорю я.

Его скулы каменеют. Он знает.

— Ответишь?

— Не смогу, — говорю я. — Магия.

Он смотрит на мою левую ладонь, где печать С уже привычно лежит под кожей, серая, как утренний пепел. Потом он смотрит мне в лицо, и я вижу, что он считает, сколько слов ему еще можно сказать, прежде чем горло сожмется.

— Тогда подпиши как травница, — говорит он. — Не как жена. Не как серая невеста. Как тот человек, который месяц назад вошел в этот дом с ключом и сумкой.

Я подхожу к столу. Беру перо. Оно холодное, и пальцы у меня тоже холодные, поэтому чернила ложатся неровно, но разборчиво. Я вывожу: «Ирма Вес, травница. Опись поставок лечебной кладовой за текущий месяц».

Ставлю точку.

Тарвен смотрит на подпись. Потом кладет рядом со мной второй лист, чистый.

— Еще одно, — говорит он. — Инспектор хочет видеть печать на договоре. Не бумажную. Кожаную.

Я замираю. Печать на договоре, кожаная, это не оттиск на бумаге. Это метка на руке, которую ставят при свидетелях, и она остается до конца срока.

— У тебя уже есть, — говорю я. — Серая.

— У меня есть, — отвечает он. — У инспектора должна быть копия. На твоей коже.

Я поднимаю голову. Он стоит близко, слишком близко, и от него пахнет холодной кожей, ирисом и тем самым рыбьим маслом, которым смазаны петли. Его пальцы лежат на столе рядом с моими, и между нашими руками расстояние в ладонь.

— Зачем тебе это, — спрашиваю я. Не спрашиваю, утверждаю. Зачем тебе, чтобы на мне стояла его метка, видимая, читаемая, чтобы любой инспектор мог ткнуть в нее пальцем и спросить: что это.

Он молчит. Потом говорит:

— Чтобы тебя не забрали как ничейную.

Я смотрю на него. За окном во дворе стучат молотком, чинят что-то, и стук сухой, деревянный, равнодушный. Майра сейчас за сто миль, и если завтра меня спросят, кто я, и я не смогу ответить, ее впишут в чужой реестр без моего согласия.

Я кладу перо.

— Ладно, — говорю я. — Ставь.

Он не двигается. Я жду. Тогда он поднимает руку, медленно, как во сне, и его пальцы касаются моего подбородка. Прикосновение сухое, короткое, не ласка, а печать. Боль от его метки проходит по моей коже, и я чувствую, как на левом запястье, поверх старой серой буквы, проступает новая, кожаная, теплая.

Тарвен отпускает. На его пальцах кровь, немного, капля, и он вытирает ее о полу камзола, не глядя.

— Спасибо, — говорит он.

Я не отвечаю. Я смотрю на запястье, где две печати лежат рядом, серая и кожаная, и думаю, что теперь меня можно прочесть. Мое имя, мой статус, моя цена, мой муж, моя кровь, все на одном куске кожи, ви́денном при свече.

Я забираю со стола свою опись, складываю вдвое и ухожу. В коридоре пахнет рыбьим маслом и ирисом, и я считаю шаги до своей двери, чтобы горло не сжалось раньше времени.

Я считаю шаги до своей двери и сбиваюсь на четырнадцатом, потому что левое запястье пульсирует. Две печати рядом — серая буква договора и свежая кожаная метка — лежат, как две разные монеты в одном кармане, и от обеих идет тепло, разное, но в одну сторону.

В камерке я сажусь на табурет, кладу опись на колени и жду, пока перестанет звенеть в ушах. Подкладка фартука оттопыривается тремя листами: долговой, рецепты для Майры, записка Лин Кейт. Я глажу их сквозь ткань, как ребенка по спине. Потом снимаю фартук, складываю опись под подкладку, сверху. Теперь их четыре.

Стук в дверь. Не Нина — стук короткий, деловой.

— Войдите.

Олтон Грей. Ключ в руке, медный, без бирки. Он кладет его на стол, не глядя на меня, потом все-таки поднимает глаза.

— Комната в восточном крыле, — говорит он. — Под лечебной. Окна во двор, не на крыж. Там тихо.

Я беру ключ. Он теплый от его ладони, и я не сразу понимаю, почему от этой мелочи в горле становится мокро. Первый ключ от чужого дома, который мне дают не для того, чтобы запереть, а для того, чтобы я вошла.

— Спасибо, Олтон, — говорю я.

Он кивает, уже у двери.

— Лин Кейт будет в архиве через час, — добавляет он. — Лорд Тарвен просил передать, что пойдет с вами. И ждет внизу.

Я опускаю рукав. Печати прячутся под серой тканью, как под снегом.

Иду.

У лестницы меня ловит Мира. У нее в руках корзина с бинтами, пахнет лавандой и дымом, и она смотрит на меня так, будто проверяет, цела ли я, по одному только запаху.

— Запястье, — говорит она тихо. — Покажи.

Я молча закатываю рукав. Две печати рядом. Мира втягивает воздух сквозь зубы и качает головой, но не говорит ни слова. Она уже знает. В этом доме все знают раньше меня.

— Пойдем, — говорю я.

Мы спускаемся. У подножия лестницы стоит Тарвен, и его плащ еще влажный от дождя, хотя дождя я не слышала. Он ждет, и это ожидание впервые выглядит как ожидание, а не как приказ. Я останавливаюсь на две ступени ниже, чтобы посмотреть ему в подбородок, а не в глаза.

— Готов? — спрашиваю я.

Он коротко кивает.

Мы идем к архиву. По пути нам никто не встречается, и я не сразу понимаю почему: то ли слуги разбежались, то ли Роэн приказал не мешать. У двери в архив горит одна свеча, и медная табличка с номером полки блестит, как свежий синяк. Тарвен достает свой ключ, но рука замирает на полпути.

— Ты, — говорит он. — Открой. Своим.

Я достаю ключ Олтона. Он входит мягко, как в масло. Замок щелкает, и дверь открывается внутрь, и пахнет старой бумагой, камнем и тем самым рыбьим маслом, которым смазаны все петли в этом доме. Я вхожу первая. Он за мной, и дверь закрывается сама, и звук получается окончательный, как точка в конце подписи.

Внутри у стола стоит Лин Кейт, спиной к нам, и перебирает корешки. Она не оборачивается.

— Домовая книга рода Сейд, — говорит она. — Строка о разводе. И реестр приписок королевской канцелярии. Не сходится. Ирма Вес, подойдите.

Я делаю шаг. У меня во рту сухо, и обе печати на запястье предупреждающе теплеют.

Глаза Лин Кейт останавливаются на моем рукаве, где под серой тканью проступают обе печати. Я не прячу руку, потому что прятать — значит признать, что стыдно, а стыда у меня на сегодня уже не осталось.

— Подойдите к столу, — повторяет она. — Покажите запястье.

Я подхожу. Пальцы у нее холодные, сухие, с чернильными пятнами в складках кожи, и она отворачивает мой рукав без спроса, деловито, как переворачивают страницу. Левая печать — серая буква договора — лежит под ее пальцем ровно, как старая монета. Правая, свежая, кожаная, еще теплая, и от прикосновения инспектора по ней проходит дрожь.

— Договор без имени, — говорит Лин Кейт, не спрашивая, а констатируя. — И вторая метка. Что это?

Я открываю рот, чтобы сказать — поздняя приписка, временная, для опознания при проверке, и горло сжимается раньше, чем я успеваю закончить первое слово. Боль идет не изнутри, а снаружи, от обеих печатей разом, и я чувствую, как кожа на запястье стягивается, будто кто-то затягивает узел. Я отступаю, и Тарвен делает шаг вперед, не к Лин Кейт, а ко мне, и его ладонь ложится мне на спину, между лопаток, не утешая, а удерживая, чтобы я не упала.

— Она не может ответить, — говорит он глухо. — Это часть договора. Пока вопрос касается развода, она молчит.

— Это вы договорились? — спрашивает Лин Кейт, и в ее голосе впервые появляется тень чего-то живого.

— Это не мы, — отвечает он. — Это мать.

Лин Кейт опускает мою руку, аккуратно, и пишет что-то в своей тетради мелким, острым почерком. Потом поднимает голову и смотрит уже на него, и я впервые вижу, как Тарвен выдерживает чужой взгляд, не отводя своих.

— Домовая книга рода Сейд, — говорит она. — Строка о разводе датирована прошлой зимой. Реестр приписок королевской канцелярии эту запись не подтверждает. Имя Ирмы Вес там есть. Имя вашей теперешней невесты — нет. Объясните.

Тишина. Я считаю удары сердца. Тарвен молчит, и я знаю, что не от упрямства, а от того, что любой ответ сейчас ударит по мне.

— Я объясню письменно, — говорит он наконец. — И представлю копию договора. Сегодня.

— А она? — Лин Кейт кивает на меня. — Она объяснит?

Тарвен не отвечает. Лин Кейт ждет. Я стою между ними, и печати на моем запястье пульсируют в такт его дыханию, и я впервые понимаю, что магия договора связала нас не только молчанием, но и этой болью, и эта связь теперь читается на моей коже, видна при свече, как новая строка в реестре.

Я делаю шаг к столу. Беру перо. Лин Кейт смотрит на меня так, будто я только что вытащила нож, но не двигается.

Я пишу. Медленно, чтобы не сорваться. Мое имя. Дата развода. Имя, вписанное в домовую книгу рядом с моим. Имя того, кто зачитывал. Имя того, кто ставил печать.

Пять строк. Почерк у меня не дрожит, потому что я пишу, а не говорю, и пока я пишу, магия молчит.

Я кладу перо. Перед Лин Кейт лежит лист, и на нем — показания против лорда Сейда, против его матери, против его дома, и лист подписан: Ирма Вес, травница.

Тарвен смотрит на лист. Не на меня. На лист. Потом закрывает глаза, и я вижу, как дрогнула его скула, там, где под кожей лежит свежий серый след.

— Вы это подпишете? — спрашивает его Лин Кейт.

Он открывает глаза. Смотрит на меня, и в его взгляде нет ни злости, ни упрека, а есть что-то хуже — узнавание.

— Подпишу, — говорит он.

— Я здесь, — говорю я.

Она наконец поворачивается. У нее худое лицо и руки человека, который слишком много пишет, и она смотрит на меня так, как смотрят на строку, в которой не хватает одного слова. Я сглатываю, и горло сжимается, но не от магии, а от страха, что я сейчас попробую ответить — и не смогу.

Я стою между бывшим мужем и королевским инспектором, между двумя книгами, которые не сходятся, между своим именем и серой буквой на запястье, и впервые за долгое время понимаю, что молчание будет стоять мне больше, чем любой ответ.

Глава 5. Сломанная дверь

Дверь я нашла сама. В старом крыле, за кладовой с крупами, где пахло прогорклой мукой и сырым деревом, висела на одном гвозде кривая планка, притворявшаяся замком. Засов был сорван, петли держались на проволоке, ручка болталась. Я потянула, и она осталась у меня в руке, холодная, чужая. Хорошо. Мне нужен был шкаф, а не замок. Мне нужен был угол, который никто не откроет без меня.

Нина стояла за спиной и дышала в затылок, как ребенок, которому дали подержать чужую тайну и запретили уронить.

— Куда положить? — спросила она шепотом. — Тут все видно.

Я засунула руку за подкладку фартука. Три листка лежали там, сложенные пополам, привычно шершавые по стибу: долговой лист с печатью, рецепты для Майры, записка от Лин Кейт с приказом явиться в архив вечером. Я вытащила их, подумала секунду и вернула рецепты обратно, под подкладку. Долговой лист и записку инспектора положила в деревянную шкатулку из-под трав, туда же, где у меня уже лежала лента Майры, вытертая и аккуратно свернутая. Шкатулку задвинула на нижнюю полку, за мешки с черемицей. Сверху поставила глиняный кувшин с мазью от ожогов, тяжелый, с отбитым носком, чтобы любой, кто полез без спроса, сразу понял: тут хозяйство, а не чужие тайны.

Нина смотрела круглыми глазами.

— Я ничего не видела, — выдохнула она.

— И не увидишь, — ответила я. — Принеси мне гвозди и молоток. Дверь надо чинить.

Она убежала, шлепая по камню. Я осталась одна. В кладовой было сыро и холодно, на полке стояли мешки, подписанные чужой рукой, пахло камфарой и подсохшей мятой. Я проверила засов на двери в спальню Тарвена, рукой, не глядя. Оловянная печать была теплая. Значит, я ночевала там вчера, значит, договор жив, значит, метка пока не сожмет горло. Значит, у меня есть утро.

Но тут же, под ребрами, кольнуло. Я отняла руку, посмотрела на запястье. Серый ободок, тонкий, как нитка, натянулся чуть туже, чем вчера. Метка не любит, когда я думаю о том, чего нельзя произнести. Я разжала пальцы и заставила себя дышать ровнее.

Тарвен нашел меня у порога кладовой, когда я уже прибавала доску.

Он шел по коридору медленно, как человек, которому некуда спешить, потому что все уже решено без него. Камзол расстегнут, ворот рубахи сбит, под ключицей свежий серый след, похожий на след от удара тупым ребнем. Я не подняла головы, но почувствовала, как он остановился, услышала, как он вдохнул.

— Что ты делаешь, — спросил он.

Я ударила молотком. Гвоздь вошел криво, и доска треснула.

— Чиню дверь, — сказала я.

Он сделал шаг ближе. Я почувствовала его запах — дым, хвоя, железо и чужие духи, сладкие, приторные, от которых у меня всегда начинало щипать в носу. Духи Ровены. Он пах ими, как будто она провела ладонью по его вороту сегодня утром, и он не стер. Или не хотел стирать. Я вбила второй гвоздь, ровнее.

— Зачем тебе дверь, — спросил он тихо, — если ты не собираешься в ней жить.

Я подняла голову. Он смотрел на меня сверху вниз, тени делали его лицо жестче, чем оно было на самом деле. Я не отвела глаза. Я не имела права сказать то, что хотела сказать. Метка сжала бы горло, и его горло тоже, и он бы упал, или я бы упала, и слуги увидели бы, как серая невеста душит лорда у порога кладовой.

— Потому что здесь моя работа, — сказала я. — Не дверь.

Он помолчал. Потом произнес, очень тихо, как будто пробовал слово на вкус:

— Ирма.

Метка рванула по запястью, как раскаленная нитка, и тут же, одновременно, он коротко выдохнул, и у него дернулась щека. Серый след под ключицей вспыхнул, стал ярче на полтона. Он не отступил. Он смотрел на меня и платил за то, что назвал меня по имени, и я это видела, и от этого мне стало хуже, а не легче.

— Не надо, — сказала я.

— Я знаю, — ответил он. — Я все равно.

Он прижал ладонь к груди, там, где горел след, и пошел прочь по коридору, не оглядываясь. Шаги были твердые, но в конце коридора он остановился, оперся плечом о стену и постоял так с минуту, и я слышала, как он дышит через зубы.

Нина принесла гвозди и застала меня у двери с молотком в руке.

— Где лорд? — спросила она.

— Ушел, — сказала я.

Она посмотрела на меня, потом на стену в конце коридора, где еще стоял запах его одежды, и не стала спрашивать. Я забила последний гвоздь, положила молоток на полку и закрыла дверь. Замок был плохой, но дверь была моя. И кладовая была моя. И работа в ней была моя. И имя, которое он произнес и за которое заплатил, было мое.

Я прижала ладонь к серому ободку на запястье. Он был теплее, чем обычно. Не от боли. От того, что кто-то в этом доме впервые за долгое время решился назвать меня вслух.

Это ничего не меняло. Но я впервые поняла, что молчание здесь будет стоять мне тела.

Я осталась в кладовой одна. Нина убежала за второй коробкой, и в тишине стало слышно, как где-то под полом, в подвале у источника, капает вода в медный таз. Ровно, терпеливо, как будто этот дом все еще умел считать минуты.

Я подошла к полке, где стояли подписанные мешки, и проверила рукой. Сухие корни, черемица, шалфей, что-то горькое, рассыпчатое, без подписи. Я вытащила мешок, понюхала. Полынь. Пересушенная, прошлогодняя, но крепкая. Сойдет для припарки, если у кого-то из слуг к вечеру разныются суставы. Я ссыпала горсть в глиняную миску и прижала к себе.

Мне нужны были руки. Не его имя, не его серый след, не его духи на воротнике. Мне нужны были руки, чтобы перебрать зелья, перевязать чью-то рану, сварить отвар, который не даст Брину кашлять кровью до утра. Только тогда я перестану быть серой тенью у стены, и тогда, может быть, кто-нибудь снова назовет меня вслух без того, чтобы у него дернулась щека.

Я сняла фартук, повесила на гвоздь, закатала рукава. Под подкладкой лежали рецепты для Майры, сложенные вчетверо. Я развернула один. «Отвар от лихорадки: мать-и-мачеха, две щепоти; ива, полоску коры; мед, ложка на чашку. Кипятить не больше минуты, иначе мед станет ядом». Почерк мой, но писала я это дома, в кухне Весов, где пахло подгорелым пирогом и мамиными руками. Я сложила листок обратно, прижала к груди и закрыла глаза.

Шаги раздалились у двери, и я убрала рецепт под фартук прежде, чем обернулась.

Это был Олтон Грей. Он вошел без стука, как человек, который имеет право входить без стука, остановился у порога и посмотрел на меня так, будто впервые увидел.

— Тебя зовут в архив, — сказал он. — Инспектор ждет.

Я вытерла руки о тряпку.

— Я знаю.

— Не за тобой, — поправил он себя. — За обедом упал конюх, Брин. Кашляет кровью. Лорд приказал подать ему отвар из твоей кладовой. Не из замкового погреба. Из твоей.

Сердце у меня ушло вниз и тут же поднялось. Брин. Я варила ему отвар утром, но дала через Нину, без своего имени, и думала, что обойдется. Не обошлось.

— Сколько крови? — спросила я.

Олтон помолчал.

— Полный платок. Дара Сейд уже там. Она привезла свою настойку, хочет лечить сама.

Я стянула фартук, повесила обратно и пошла к двери. На пороге остановилась.

— Если я пойду к нему, — сказала я, не оборачиваясь, — и она будет там, и лорд будет там, и инспектор будет там, что я скажу, когда меня спросят, почему я его лечу?

Олтон ответил не сразу.

— Правду, — сказал он наконец. — Что ты серая невеста и по договору обязана варить лекарства для слуг и лорда. Больше ничего.

Я кивнула и вышла.

Коридор пах холодным камнем, подгоревшей кашей и чужими духами. Я шла быстро, прижимая к себе коробку с мешками, и считала шаги. От кладовой до конюшни двадцать семь шагов. Я знала, потому что ходила этой дорогой трижды в день.

У дверей конюшни стояла Дара Сейд. Бледная, в сером дорожном платье, с флаконом в руке. Она увидела меня, и улыбка у нее стала тоньше.

— А, серая, — сказала она. — Лорд уже распорядился, я подожду.

Я не остановилась.

— У него кашель с кровью третий день, — сказала я. — Твоя настойка на спирту и полыни. Если дать ее на пустой желудок, он сгорит за ночь. Дай мне два часа.

Она прищурилась.

— Кто тебе сказал, что в моей настойке полынь?

— Пахнет, — ответила я и вошла.

В конюшне было сумрачно, пахло сеном, навозом и железом. Брин лежал на мешках в углу, бледный до синевы, платок у рта был бурый. Тарвен стоял над ним на коленях, и на его руках была кровь. Не своя. Брина. Я поставила коробку на пол, опустилась рядом и положила два пальца ему на шею.

Пульс был частый, нитевидный. Я закатала ему рукав, посмотрела на ногти — синеватые, под ними темная полоса. Не чахотка. Кровь пошла изнутри, от сухого кашля, который рвал ему легкие.

— Мать-и-мачеха и ива есть, — сказала я. — Но нужна еще сушеная калина, чтобы остановить кровь. У меня в кладовой нет.

Тарвен поднял голову. Глаза у него были красные, и впервые я увидела в них не лорда, а человека, который боится, что мальчик умрет у него на руках.

— У Дарена в погребу, — сказал он. — Я принесу.

Я покачала головой.

— Нельзя. Ты не знаешь, где что лежит, и он спросит, зачем лорду сушеная калина. Я сама.

Я встала, но он перехватил меня за запястье. Не сильно, но крепко. Серый ободок под его пальцами вспыхнул, и я почувствовала, как он сжал мою руку в ответ, не отпуская.

— Ирма, — сказал он тихо. — Пожалуйста.

Я выдернула руку. Ободок обжег, но терпимо.

— Если я слышу свое имя, я не могу работать, — сказала я. — Дай мне два часа, и я вернусь с отваром. И не впускай Дару.

Я вышла, не оглядываясь. В коридоре у конюшни стояла Мира Кесс с ключом от погреба в руках. Она молча протянула его мне, не глядя в глаза. Я взяла.

— Спасибо, — сказала я.

— Я ничего не видела, — ответила она.

И я пошла обратно в кладовую, быстро, пока метка не сжала горло.

Ключ от погреба лежал у меня в кармане фартука и жег бедро холодным железом. Мира шла рядом молча, на полшага позади, и я слышала, как у нее скрипит подошва по камню. Она не предлагала помочь. Она не предлагала ничего. Она шла со мной, потому что так ей было спокойнее, и я была ей за это благодарна, хотя никогда бы в этом не призналась.

У погреба пахло сырой медью и квашеной капустой. Я отперла замок, толкнула дверь плечом и остановилась на верхней ступеньке. Лестница уходила вниз узкая, без перил, и фонарь на гвозде был чужой, не замковый. Чей-то чужой фонарь, оставленный кем-то чужим. Я сняла его, поднесла к огоньку в коридоре и зажгла. Мира осталась у двери.

— Если услышишь шаги, стукни два раза, — сказала я.

Она кивнула.

Я спустилась. Погреб был длинный, с низким потолком, и весь в бочках, мешках и связках сушеных трав, подвешенных к балкам. Калина висела в дальнем углу, темная, почти черная, в сетке. Я подошла, срезала ножом, завернула в чистую тряпицу и прижала к себе. Хотела было взять еще пучок мяты, для запаха, и тут услышала, как надо мной, через потолок, кто-то ходит.

Голос я узнала сразу. Низкий, чуть хриловатый, с той особенной паузой перед именем, которая всегда означала, что человек сейчас произнесет чужое имя и сам этого боится.

— Дара, — сказал Тарвен, и потолок отдавал каждое слово, — я просил не входить.

— Он мальчик, — ответила она. — Мальчик, который служит в твоём доме. Я имею право.

— Ты имеешь право молчать и не лезть к чужому лекарству, — ответил он. — Уходи.

Я стояла внизу, под его голосом, и не двигалась. Серый ободок на запястье стал теплым, потом горячим, и я сжала калину в руке так, что сок потек по пальцам, темный и горький.

— Ты из-за нее, — сказала Дара. — Из-за серой. Она тебя опоила.

Потолок скрипнул. Я представила, как он сжал челюсть, как дернулась у него щека, как он набрал в грудь воздуха, чтобы сказать «она меня не поила», и не сказал.

— Уходи, — повторил он тише.

Я поднялась по лестнице, вышла, отдала Мире ключ и пошла обратно к конюшне. Шла быстро. На полпути меня догнал Олтон Грей.

— Лин Кейт вызывает тебя в архив, — сказал он, не сбавляя шага. — Немедленно. С долговым листом.

— Брин умирает, — ответила я.

— Инспектор ждет.

Я остановилась.

— Если я уйду к инспектору, мальчик умрет. Если я останусь, инспектор запишет, что я отказалась от королевской проверки, и это конец договору, конец печати и конец Майре. Ты это понимаешь.

Олтон посмотрел на меня так, будто впервые увидел. Не как описщицу. Как человека, у которого в руках мокрая тряпка с калиной, под фартуком рецепты для сестры, а в доме мальчик с кровью в платке.

— Иди к мальчику, — сказал он наконец. — Я скажу инспектору, что ты варишь лекарство по договору, и это законное основание для задержки. У тебя есть час.

Я кивнула и побежала.

В конюшне было тихо. Брин лежал на мешках, бледный до синевы. Тарвен стоял над ним, и руки у него были красные по локоть. Дара Сейд стояла у стены, скрестив руки. Я поставила на пол коробку, достала глиняный горшок, налила воду из ведра, поставила на жаровню. Сыпнула мать-и-мачеху, иву, бросила горсть калины. Запах сразу стал горький, тяжелый, почти металлический.

— Через двадцать минут остынет, — сказала я. — Давать по ложке, не больше. И положить его набок, чтобы кровь не пошла горлом.

Тарвен посмотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он, и я услышала, как у него сжалось горло на этом слове.

Я кивнула и вышла. У двери стоял инспектор Лин Кейт с гроссбухом под мышкой. Она смотрела на меня без улыбки.

— У тебя был час, — сказала она.

— У мальчика была кровь, — ответила я. — Теперь есть час для вас.

Она помолчала.

— Идем, — сказала она.

Я пошла за ней, и серый ободок на запястье был теплым, почти как чья-то рука.

Архивная комната пахла старой бумагой и холодным камнем. Лин Кейт села за длинный стол, положила перед собой гроссбух, раскрыла его на странице с гербом королевской канцелярии и подвинула мне чернильницу. Я села напротив, положила на колени фартук с мокрым пятном от калины и посмотрела на нее. Под фартуком лежали три листка, и я чувствовала их бедром каждый раз, когда вдыхала.

Она начала с имени.

— Имя, род, статус в доме.

— Ирма Вес. Травница. По договору без имени приписана к роду Сейд как серая невеста.

Она записала, не поднимая глаз.

— Договор подписан добровольно?

Я открыла рот. Ободок на запястье стал горячим, потом обжег горло изнутри, и я закашлялась. Лин Кейт подняла голову, посмотрела внимательно, отметила что-то в гроссбухе и перешла к следующему вопросу.

— Причина развода, указанная в домовой книге.

Я попыталась сказать. Горло сжалось так, что я не могла вдохнуть. Я подняла руку, показала ободок. Она посмотрела, записала «физическое затруднение речи при вопросах о разводе», и в графе поставила маленькую пометку.

— Печать установлена после развода или до?

Я показала на запястье и качнула головой. После. Она кивнула.

— Кто подписал договор со стороны рода Сейд?

Я написала на листке. «Аэлис Сейд, мать-старейшина. Тарвен Сейд, лорд, не присутствовал». Она прочитала, посмотрела на меня.

— Он не присутствовал?

Я кивнула. Горло отпустило, и я смогла говорить.

— Я подписала одна в кабинете Аэлис. Тарвен не видел договора до утра.

Она записала. Потом открыла домовую книгу рода Сейд на столе слева, нашла страницу с разводом, подвинула ко мне. Я увидела свою строку, вычеркнутую, и рядом подпись Тарвена и печать Аэлис. Под подписью стояла дата. Я считала дни. Договор был подписан на три дня позже.

— Видите дату? — спросила я.

Лин Кейт посмотрела.

— Договор подписан позже развода, — сказала она. — Значит, на момент развода договор не существовал.

— Значит, — сказала я, — меня вычеркнули без защиты. Я была ничейной три дня. Если бы Майра попала в реестр в эти три дня, ее забрали бы без права обжалования.

Лин Кейт замерла. Потом медленно перечитала страницу, проверила реестр приписок, сверила. Подняла на меня глаза.

— Это процедурное нарушение, — сказала она. — Я обязана внести в акт проверки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.